

Полина Мельник

Хроники Нарона

ЭЛЬФ ПОД ГОРОЙ

16+

Полина Викторовна Мельник

Хроники Дарона.

Эльф под горой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63074333

SelfPub; 2020

Аннотация

Дарон населили маги, эльфы, люди, гоблины, орки и азагуры, разбившись на государства. Выжить в мире, где нет бездонных богатств непросто. Но теперь драконы перебиты, орочья орда распалась, азагуры отложили топоры, проедаая дань. Рокот сражений умолк пятьсот лет назад. И жизнь идет своим чередом: наёмники делают что оплачено, канцлеры управляют за спинами владык, а младшие принцы жаждут власти. Наёмница, маг-канцлер и принц без трона – три жизни, сплетаясь и отталкиваясь скоро изменят Дарон, расписав хроники кровью. Так пойдем же вперед, из Асестима по всему континенту в самый Чёрный лес.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

80

Полина Мельник

Хроники Дарона.

Эльф под горой

Аннотация:

Драконы перебиты, орочья орда распалась, азагуры тихо проедают дань. Рокот сражений умолк пятьсот лет назад. И жизнь идет своим чередом: наемники делают что оплачено, канцлеры управляют за спинами владык, а младшие принцы жаждут трона. Три жизни, сплетаясь и отталкиваясь скоро изменят Дарон, расписав хроники кровью.

Хроники Дарона. Эльф под горой. Книга Первая

*..Бурлит Дарон, омыты земли кровью,
Стенанья, стоны, сталь и боль.
Под сенью Древа и с перстом Дракона
В багровом зареве небесном
Грядет наш истинный Король..."*
Хроника Дарона, Том IV. Записи Оракула.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Сколько раз вы умирали? Один? Или может быть, два? Я не знала ни одного человека, что пережил бы три смерти. Единственным был Хамур, но мрак подери, и он двинул ноги на арене в девятнадцать. И больше я не привязывалась к людям, да, в общем-то, не только к ним. Таким как я, не стоило тратить время на смертных: Хамур послужил хорошим уроком.

Вы спросите, кто я? Теперь всего лишь младший служитель королевской гвардии зачистки, да что уж говорить настолько младший, что живительный порошок полагается раз в месяц. Но всё же это лучше, чем раньше, до шрамов. Много лет подряд я принадлежала дому мадам Гризо, том самом, на углу Шахтёрской и Торговой, где запах пота, перегара и дешевых духов въедается в ноздри. Пока была девчонкой, мыла полы, стряпала, а после, как и все в доме на перекрёстке стала шлюхой и соврала бы, если сказала, что стоила дорого.

Впрочем, я не виню отца: родился я мальчиком, возможно, он бы и потратил на воспитание время, деньги и что там ещё надо. Но это не точно, мальчиков тоже продавали. На девочек же размениваться у нас, азагуров, теперь и вовсе не полагалось. Стоит сказать, что всё не так плохо, хозяйка даже тратила сарты на моё обучение. Правда, потом полагалось отработать ещё четыре года сверх контракта.

Раньше я была хорошенькой: большие желтые глаза, черные волосы, за меня давали целых два сарта – не так уж мало по расценкам Шахтёрской. Но однажды на ночь меня ку-

пил богач. Извращенец вырезал на моей спине громадное дерево и изуродовал лицо магическим клинком, за ту ночь я умерла четыре раза. Теперь меня украшали шрамы: от бровей до щек, пересекаясь крестом на переносице, лицо прорезали красные рвы от клинка в золотой оправе. Сукин сын выгрузил меня у публичного дома с пятьюдесятью сартами в мешочке на шее – хозяйка приняла деньги и перепродала меня в гвардию.

ГЛАВА 1. ВАГАРДА, ПОСЕЛОК БЛИЗ АСЕСТИ-МА. ВЕДЬМА

Я очнулась, отплеывая грязь. Воспоминания отхлынули от вновь ожившего мозга так же быстро, как речные тугуны оставляют обглоданные кости жертвы. Станный горьковатый вкус во рту: лежу лицом в луже, похоже, несколько часов, может быть, дней. В воде отражается моё лицо, ошупываю тело, конечности, что ж, похоже всё на месте, пробовать меня болотница не стала.

Глубокий вдох, лёгкие жадно глотнули воздуха впервые за новое рождение. Это мгновение было прекрасно всякий раз, сколько бы ни пришлось пережить смертей. Голова звенит, как пустой котел, пытаюсь вспомнить что произошло, мозги соображают пока туговато. Отерла грязный циферблат, часы с календарем на запястье – обязательный атрибут азагуров гвардии, – показали вечер седьмого сентября. Я поднялась

на ноги, мокрая земля покрыла всю переднюю часть тела густым слоем, попыталась отряхнуть – бесполезно. Впрочем, не так важно.

Это задание не было сложным, всего лишь болотная ведьма, если напрячь память, кажется, двенадцатая в моем списке. Тварь убила меня уже в третий раз, молодые особи очень шустрые. Со злости одернула магический ошейник контроля, гхусейманова железяка здорово отнимала силы.

Рядом, втоптаный в грязь, отыскался мой клинок. Одурманенная кровью, неопытная низшая не догадалась спрятать ни оружие, ни затащить меня в какую-нибудь дыру, из которой бы я выбиралась подольше. А значит, уже проиграла. Ведь марафон всегда был за азагурами. И она тоже это знала, даже побоявшись меня есть. Отыскала лоскут кожи, надо срочно привести меч в порядок, это важное правило за пятнадцать лет в гвардии въедается в натуру.

Стоит сказать, работа в отряде зачистки неплохая, вершить суд приятно. Поначалу, конечно, были сомнения: я пыталась ровнять гонимых тварей с азагурами, но они не были равны моему народу. Караемые – низшие магические существа, часто плотоядные и оттого состоящие в списке отлова короля. Азагуры высшие. И хоть мы не обладаем магией, выглядим вполне обычно: две руки, две ноги, да голова, чтобы шлем носить и думать, кое-что у нас было особенным. От рождения, этого не имел ни один эльф, человек или маг Дарона – мы были бессмертны.

Выловила из потайного кармана тряпку, уткнувшись носом, втянула запах. Этот кусок детской пеленки пах молоком, человеческой кровью и слюной ведьмы. Запах не едкий, отдает тиной: тварь с болот молода, быть может этот крестьянский младенец и вовсе первый в кровавом списке. Что ж, как бы то ни было, её пора остановить.

Порыв ветра с осенней изморозью принёс запах болот и горечи. Безмозглые крестьяне жгли костры с полыньёю, это сбивало с толку только меня, но не болотницу. Запах детей она улавливала даже если ей вырезать нос, этот фокус нам показывали ещё на обучении в гвардии.

Я приникла к земле: вонь следа была отчетливой, крепкой, низшая топталась неподалеку. Втянув воздух ещё раз, определила направление и побежала, времени оставалось немного, ведьма кормилась давно. Через день после пропажи ребёнка в местном отделе стражи приняли заявление, день – и письмо в столице, еще сутки и меня выслали на задание. Три дня подряд тварь потрошила меня когтистыми лапами, а значит, теперь прошло шесть дней, и она очень голодна, а значит, слаба, и это мой шанс.

Впереди показались соломенные крыши деревенских домиков, бегу к ним, тварь тоже близко, я слышу её. Она тоже крутится неподалеку, её слюна капает на траву, невыносимо разит болотом.

– Именем второй королевской гвардии зачистки, требую немедленно выдать младенца для поимки болотной ведьмы!

В случае сопротивления приказу я, служитель второй гвардии зачистки, приравняю отказ к помехе отлова и покараю виновных! – запыхавшись, крикнула я, ворвавшись на главную площадь поселка.

В мгновение ока прохожие замерли: даже в этой глухой провинции знали гвардию зачистки. Однако никто не спешил отдавать своё чадо на милость королевской армии. Люди затихли, молча уставившись на меня.

– Именем короля людского, правителя всего Аландиса, приказываю немедленно погасить костры и выдать мне ребёнка! – крикнула я, обнажая клинок. – Веду отсчёт. Десять, девять, восемь....

– Азагур, мы всё исполним, – вещал толстяк в самой чистой свитке.

Он сделал знак тощей женщине, что стояла неподалеку, побледнев, женщина в последней надежде взглянула на мужа, но тот даже не повернул голову в её сторону. Со слезами на глазах, она медленно протянула ценный сверток, в моих руках очутился спящий младенец.

– Костры, – напомнила я, принимая теплый конверт.

– Будет сделано, азагур. – Отозвался толстяк и в ту же минуту приказ был исполнен, я почувствовала, насколько легче стало дышать.

Направилась прочь из села: слишком много запахов сбивало с толку. За спиной рыдала женщина, та, что отдала ребёнка. Смертные были очень привязаны к детям, это меня

немало удивило, когда впервые оказалась в Асестиме, столице Аландиса. Люди вообще меня удивляли: работающие, неумные и суетливые. Они, не имея никаких преимуществ перед остальными обитателями Дарона, сумели построить славное королевство с мощным флотом и красивой столицей. Правда, других столиц я не видала, тем, кто отработывал родительский контракт, дальше границы заходить нельзя. Но в казарме, в те редкие часы, когда мы отдыхали от заданий, рассказывали, что краше только Светлый город, хотя стоило ли слушать тех, кто болтал про запретный город эльфов, я не знала.

Село отдалилось, я брела к опушке леса, ребенок спал, позволяя мне прислушиваться к звукам подлеска. Поравнявшись с первыми деревьями, уложила сверток с младенцем на траву, вытянула из пелёнок крохотную руку и надрезала. Ребенок закричал, зашевелился, людская кровь медным ароматом ворвалась в воздух, болотнице понравится. Я отбежала, легла на мокрую траву, укрывшись в подлеске. Оставалось немного подождать.

Но ждать пришлось долго, начинало темнеть, это плохо. Небо затянули тучи, порыв ветра на секунду пригнул кроны деревьев, полился дождь. Ребёнок закричал громче, возмущенно размахивая руками. Легкий шорох справа, я тихо поднялась, подбираясь поближе к приманке. Низшая рядом, болотная вонь нестерпимо бьёт в нос, тварь прячется, тоже чувствует меня, но она слишком голодна.

Пять, четыре, три... – в мгновение ока справа взрывается облако черной пыли, скрывая собой существо, что её распространяет. В один рывок подбегаю к приманке, но болотница оказалась проворней. Облако настигает сверток, ребёнок истошно вопит, тварь вонзается в нежную плоть и в то же мгновение магия ведьмы ослабевает. Теперь я вижу голову.

Прыжок, размах и клинок вонзается в толстую шею со звоном и хрустом, плотная кожа не дает нанести поражение сразу. Низшая бросает еду, мгновенно из её рук вытянулись когти – вновь целит в живот, как и в прошлые три раза. Но только сейчас туман ей не поможет. Последний размах мы делаем одновременно: или я, или она.

Резкая боль обожгла живот, тварь всё же успела, но мой клинок тоже настиг её раненную шею, уродливая получеловеческая голова глухо покатилась по земле. Колени подогнулись сами собой, мрак дери, жутко больно, когда потрошат кишки, уж лучше бы сразу голову. Зажав рукой борозды плоти, еле дошла до свертка, он всё еще шевелиться. Болотница успела хорошо его попробовать, рука разорвана, кровь заливает пелёнки.

«Как же больно», – проноситься в голове.

Делаю усилие, нащупываю в карманах порошок.

– Сейчас, не ори... – совсем мало, совсем.

Еще раз смотрю на сверток, затем на собственные кишки в руках. Похоже, умирать придется мучительно.

Золотой сверкающий порошок быстро впитывается в ко-

жу, это всегда очень красиво. Ребенок перестает кричать, рана на его руке мгновенно затянулась, умеют же остроухие стряпать лекарства! Остатки зелья вытрясла на живот, жаль, что ничего не осталось.

– Тугуны проклятые! – ругаюсь я в пустоту.

Порошка всегда дают только на один раз и не важно, сколько придётся вытерпеть смертей за задание. Поднимаюсь на ноги, шатаюсь, всё же подхожу к обезглавленной твари: пнуть её сапогом было приятно.

– Я, Вагарда Вэркус, служитель второй гвардии зачистки приговариваю тебя к смерти и все такое... – шепчу я, хватывая живот.

«Порошок же почти ничего не стоит, мелочь! Людям-гвардейцам и даже вонючим оркам его выписывают за просто», – думала я, возвращаясь в деревню с младенцем.

Но королевское казначейство не желало тратить даже полсарта на контрактников-азагуров, хоть наши зачистки и приносят хорошие деньги, порошка давали порцию.

Боль выворачивает изнутри, в глазах темнеет, но ещё держусь – первый дом уже близко. Наконец, встаю на дощатое крыльцо и стучу в дверь. Всё-таки падаю.

***

– Она не спит! – босые ноги прошлепали по деревянному полу, дверь скрипнула, скрыв парочку крестьянских детей. Голова гудела, раны ещё побаливали, значит, я перероди-

лась совсем недавно. Подо мной твердая лавка с колючим соломенным матрасом, несомненно, лучшее спальное место в деревенском доме. Меня умыли, переодели и укутали в жёсткое льняное одеяло. Дверь вновь скрипнула, лёгкие шаги, кто-то остановился рядом в нерешительности, пришлось открыть глаза:

– Простите моих детей, азагур, они слишком любопытны, – тощая женщина потупила взгляд, – и нас простите, мы вонзили вам в шею кинжал, когда вы упали на нашем пороге.

– Вы знаете, что сделали доброе дело, – голос показался чужим из-за хрипоты, всё же пронзать шею лучше подальше от связок.

– Могу ли я накормить вас? Муж заколол поросёнка, – услужливо предложила хозяйка дома и, взглянув на неё ещё раз, я узнала мать того самого кулька.

И хоть нежного молочного поросёнка хотелось до одури, я отказалась. Мясо в крестьянской семье – непозволительная роскошь.

Но проворная женщина всё равно тайком запихнула в мой походный мешок ломоть свежего хлеба и свиную ножку, сидя на телеге, я уплетала сладковатое мясо, с удовольствием облизывая липкие пальцы. Когда из столицы приехали, крестьяне вышли проводить меня всей деревней, махая напоследок так, будто мы знакомы целую вечность. И всего-то стоило вернуть ребенка целым, ох уж эти люди.

И хоть ошейник опять сменили с боевого на контрольный,

и магическая сталь утяжеляла даже дыхание – было хорошо.

ГЛАВА 2. ТЕЛЛИАРОН, БИТВА ПРИ ВАРМАСЕ

Над полем в предрассветный час утихли даже птицы, старик бы непременно сказал про дурной знак, но я знал, что он отвык от крови и так всегда перед боем. Ветер принёс эхо, гулкий топот, вдаль, за лесом. Это шествует армия гоблинов, лужа у моих ног пошла мелкой рябью – что ж, поганцы прихватили троллей.

– Принц Теллиарон, мой господин, вы тоже чуете троллей? – голос Сабата оторвал от размышлений, – что прикажете делать?

– Готовьте моего грифа, – Сабат взглянул молча, кивнул и удалился.

Старый нянька любил меня больше жизни, но никогда не перечил, за это я и позволял сопровождать меня на поле.

Серые тучи заволокли небо, не лучшая погода для грифа и противник это знал, просчитав время похода. Из гоблинов бы вышли прекрасные земледельцы, с их чутьем сезонов и погоды, но твари предпочитали промышлять грабежом – за эту Луну они напали на ещё одно поселенье, пора было их проучить.

На совете это решили единодушно, что с советом вовсе случалось нечасто. Я предложил возглавить войско брату: будущий правитель не должен знать страха. Но мягкотелый

слизняк укрылся за спинами старейшин – Кронпринц не должен бездумно рисковать собой. Сплюнул, от одной только мысли о Визаальте становилось паршиво во рту.

Ропот земли становился все ощутимей, гоблины приближались, птицы взлетели, покидая чащу. Пора было осмотреть войско. Мои эльфы знали толк в боях – как только отец постарел, все соседи так и норовили покуситься на светлые земли. Сначала были мелкие банды, потом банды побольше, а потом орды. Когда я впервые вышел на стражу границ, мне едва исполнилось семнадцать, и, если бы не Сабат, орочья секира оставила бы мне только пол головы. Потом была война с богатыми землями Аландиса, те походы мы еле выстояли, уж больно лакомый кусок был на кону, люди желали отобрать наши тихарийские поля – самые плодородные земли в Дароне. Чуть позже пришлось усмирять троллей на границе леса, их правда была всего сотня. Теперь вылезли из своих нор гоблины – старику было давно пора освободить место на троне, пока кто-нибудь вроде азагуров или магиконцев не решил двинуться к границам Светлого Леса.

Зов грифона позволил сосредоточиться, дикие янтарные глаза твари были неподкупны, я забрал её птенцом из трольего поселка, она признавала лишь меня. Коричневые перья сверкали в красных лучах рассвета, могучая грудь вздымалась, я закинул ногу в стремя.

– Во имя Светлого Леса! – мой призыв подхватило войско, лязганье и крики разнеслись далеко, пусть враг тоже чу-

ет нас.

Громадные крылья расправились, я взмыл вверх, вслед за мной ещё тридцать. Кавалерия ринулась вперед. Ломая деревья, словно прутья, на поле выбежали первые тролли. Небо потемнело, холодные капли дождя упали на голову, вскоре серая пелена окутала всё пространство, с грохотом и лязгом на земле сошлись две конницы. Гоблинские рыси впивались в глотки оленей, рога распарывали мягкие брюха рысей. Учув первую кровь, грифон сделал крюк и сам несся к земле, не надо было его поворачивать.

Громадный тролль взмахнул дубиной, неловко, громоздко, без седоков они были бесполезны. Головокружительная петля, дух на мгновение захватило от потоков ветра, но вот ноги коснулись твердой поверхности. Зацепившись за броню великана, подтянулся выше, тролль все еще не понял, что конец близок, пытаясь сбить назойливого грифона, мелькающего перед лицом. Птица мастерски отвлекала горного, он не замечал, как по доспехам все выше карабкаюсь я. Вскинул ногу на громадное плечо, цепляясь за броню, взобрался выше, гигантская ладонь пролетела над головой, в попытке стряхнуть меня, пригнулся и тут же выпрыгнул вперед, нацелившись в ухо. Голова тролля треснула, как орех, лезвие эльфийской стали не знало материала тверже себя. Второй удар, еще и еще, быстро, ловко без секунды на вдох и промедление. Грифон несся на меня, прыжок и я повис, вцепившись в седло, тролль завыл, рык его, казалось, сотрясал де-

ревья.

К грохоту падающей туши примешался первый громовой раскат. Белая вспышка прорезала небо, молния, чтоб ее!

– Телль, слезай! – орал старик, но я полетел к серому шевелящемуся внизу потоку, гоблины словно полотно, прорывались из лесу на поле, покрывая собой коричневую осеннюю землю.

Лязг стали заполнил воздух, грифон издал призыв, от этого звука холодела кровь даже у седоков. Второй круг, за лесом шло еще пятеро троллей. Треск оглушил меня, а от вспышки, казалось, лопнули глаза – молния впиалась в плоть развороченного дуба прямо подо мной, Сабат был прав, но с троллями надо покончить.

Рядом со свистом пронеслось копье, гоблины додумались взять оружие против грифонов? Делаю еще один заход, и нахожу его: хорошо аммунированный тролль тащит на спине арбалет, трое сморщенных уродов вновь заряжают оружие.

– Ивир! – зову я, сквозь пелену дождя голос прорывается глухо, – Ивир! – черная тень несется ко мне, он услышал.

Вдвоем делаем круг, нацелившись на тролля, что тащит на себе арбалет. Вода с неба льется теперь непрерывным потоком, в шлем гулко врезаются капли. Поворот, петля и я покидаю седло грифона, оказавшись на тролле. Ивир со стуком падает на броню, едва успевая схватиться за мою руку, чтобы не соскользнуть под громадные лапы твари. Эльф достает лук, и первая стрела тут же пронзает голову гоблина-на-

ездника, что управляет троллем, вторая стрела уже летит с другой стороны – сморщеннолицые успели зарядить арбалет. Закладываю пальцы в рот, свистом приказывая грифонам улететь, теперь птицы не отвлекают тролля. Здоровенная ладонь проносится совсем рядом, схватив Ивира, доспехи на нем хрустят. Я бегу к морде, стрела Ивира опережает меня, вонзаясь в глаз горного. Лезвие лунного меча закрывает второй глаз.

С воплем тролль хватается за раны, позабыв о пленнике, разжимает руки. Ивир карабкается ко мне, я размахнулся для следующего удара, мгновение и кровь тролля брызжет на сапоги, мы с Ивиром бьем в одну точку, проламывая толстые черепные кости. Тролль пошатнулся, все еще стараясь нас сбросить, пора бежать. Подзываю грифа, он стремиться ко мне, я прыгаю, вцепившись в седло, и вдруг копьё арбалета протыкает грудь моей птицы, проклятые гоблины попали в грифона! Гриф машет крыльями, стараясь изо всех сил, ветер завывает в ушах, птица останавливается, мы стремимся вниз, словно камни.

Очнулся я уже на земле, голова разрывается, рядом, укрыв меня крыльями, лежит гриф. Склоняюсь над желтоглазым союзником, его дыхание хриплым свистом вырывается из пробитой груди, глаза смотрят на меня пронзительно. Злость в сердце кипит, сморщенные бегут к раненой птице, чтобы прикончить. Я хватаю меч, клинок мягко входит в шеи сморщенных, ломая сталь и кости. Сабат несется ко мне

со всех ног, кровь подземных тварей омывает руки, к пешим гоблинам уже спешит подмога на рысях.

– Телль, отходим! – надрываясь, кричит старик, нас зажали в кольцо.

Внезапная боль пронзает плечо, клыкастая пасть с хрустом прокусила вэмбрейс¹, наездник не спешивается, знает, что кровь одурманит рысь, свою пасть она разожмет только мертвой. Изворачиваюсь, клинок входит в бок зверя. И тут меч седока обходит латы, вонзаясь в мои ребра, в глазах темнеет, слух затухает. Вдруг призыв грифона оглашает поле, рысь разжимает пасть, взлетая вверх, мохнатая туша безвольно падает оземь, скулит, дрыгается в последних конвульсиях, за ней прочь улетает гоблин, за моей спиной истекая кровью, сражается грифон, не допуская врагов ко мне. Сабат раскидывает руны, в небо взмывают лианы, растут, сплетаясь вместе с телами нападающих, подмога уже за спиной.

Гоблины отступают, конница добивает их сверху, брошенные рыси с болтающимися телами наездников все еще дерутся – звери не знают чести, но никогда не бегут. Ивир командует своей птице, и грифон ловко ломает хребты, выхватывая наездников из общей кучи. Лишь усилие воли позволяет оставаться на ногах, а не коленях, и я стою, возглавляя могучую армию, что бурным потоком сносит с поля гоблинское отребье.

– Мой господин, вы ранены, – Сабат успевает подхватить

---

¹ **Вэмбрейс** – часть латного наруча, защита предплечья и верхней части руки.

меня под руку, но я отмахиваюсь от помощи старика.

– Король не падает раньше врага, – и остаюсь на ногах, уперев меч в землю, чтобы не рухнуть.

Сабат покорно склоняет голову:

– И не покидает поле раньше солдат.

***

Светлый Лес назван так не просто. Если вы никогда в нем не бывали, то вряд ли сможете представить рассвет среди вековых деревьев, что уперлись густыми кронами в самые белые облака. И свет, что льется сквозь изумруды листьев, небесным золотом падая на землю.

Почти бесшумно ступая, мерно покачивая боками, меня несет олень, теплая, мягкая шкура под моей ладонью блестит, словно жидкое солнце. Мы возвращаемся в Светлый город с победой, головы троллей собраны в мешки и погружены сзади. Сабат перевязал меня, скоро мы войдем в чертоги дома, и меня встретят с радостью.

Белоснежные стены видны еще издали, с шумом падает с горы водопад, разбиваясь у подножия замка на тысячи сверкающих бриллиантов, ворота с резными защитными рунами раскрыты, золотые гобелены укрывают длинными змеями центральные башни, нас ждут дома.

– Теллиарон! Теллиарон! – толпа тянет ко мне сотню рук, белые лепестки летят с балконов, словно снег, народ привет-

ствует меня и боготворит.

И хоть в этом походе я не добыл ничего ценного для них, а лишь исполнил долг правителя, они скандируют мое имя, войско возвращается в город под сладкие звуки триумфа.

Отец выходит встречать меня, седая борода слилась с белыми одеяниями, худощавый силуэт уже давно потерял былую статью и выправку, тощий, едва не прозрачный старик все еще носит корону, что с каждой нападкой соседей становится для него все тяжелее. Но закон велит ждать своего времени.

Я, преодолевая боль, спешиваюсь, с трудом делая поклон королю.

– Теллиарон, сын мой, – правитель Светлого города касается моего лба в благословении, – ты принес победу в наш дом, как всегда. Встань же прямо и поприветствую народ, что так ждал твоего возвращения.

Сабат словно фокусник откуда-то подкладывает под мою руку отрубленную голову тролля, схватив жесткие волосы, поднимаю вверх свой трофей.

– Теллиарон! Теллиарон! – скандирует толпа, войско склоняет передо мной головы, в этот момент я даже не чувствую боли.

Подданные опускаются на колени при виде меня, в окружении своих лучших воинов я шествую в покои, Сабат тут же распоряжается прислать ко мне лекаря, Ивира же заботит пиршество в честь нашей победы.

Слуги осторожно снимают мои доспехи, сломанные детали уносят прочь, остальные же водружают на белоснежный постамент, что занимает главное место в моих покоях. Среди золотого шелка с тихарийских полей сверкающая сталь выглядит так же прекрасно, как шкура оленя в солнечный день. Латы я всегда натираю сам. Красный платок скользит по металлу, возвращая стали зеркальность, в этом блеске отражается моя черная шевелюра и бронзовая кожа, за которую меня так любила мать. Брату досталась кровь отца: тонкого, стройного, бледного. Я же пошел в мать, эльфийку с восточных окраин, такую смуглую и черноволосую, что, если бы не уши, никто бы не признал в ней чистокровную княжну.

Народ юго-восточных лесов постоянно отбивал нападки тварей, что лезли через Трольи горы и напрямик по Пескам Тайрима, потому тело матери было крепким, а рука слишком сильной для женщины. Я никак не мог понять, как такая эльфийка могла жить с отцом, что своими нудными учениями вогнал ее в могилу раньше, чем поспешил туда сам. Это было еще одним поводом недолюбливать его породу: бледную, малокровную, слабую.

С Визаальтом мы были сводными, и как запад и восток – разными. Королева умерла, и тогда отец женился на своей давней любовнице, моей матери. Когда я вошел в замок впервые, мне было десять, только тогда закон признал меня как наследника, а не бастарда.

– Высокий Принц? – то ли спрашивает, то ли окликает

нежный голос, Даландин пришла осмотреть меня самостоятельно, не доверяя никому.

Я делаю знак, что она может войти, девушка, стройная, словно молодое деревце, в нежно-голубом платье проскальзывает в дверь, я бросаю наруч, и откидываюсь на подушках, жадно наблюдая за ее воздушными движениями.

Мягкие руки, словно бабочки, едва касаются меня, синие глаза Даландин смотрят из-под пушистых ресниц, она думает, что я не замечаю, как она смотрит на мое тело сверх того, что нуждается в лечении. Повязка стягивает плечо и ребра, девчонка слегка краснеет, когда всякий раз касается моего тела, напряжение во мне рвется на волю. Хватаю за тонкую руку, до хруста сжимая в своей, розовые, словно бутоны, губки приоткрываются:

– Господин... – шепчет она, совсем не вырываясь, и наши губы сливаются в поцелуе.

Платье падает, обнажая такие же розовые, как губки, соски, я впиваюсь в них в долгом поцелуе. Даландин сладко стонет от каждого моего касания, трепещет, поддается навстречу толчкам. Мягкие белые волосы рассыпаются в моих руках, бархатная кожа скользит под грубыми пальцами, девушка замирает, вслушиваясь в прикосновения. Напряжение сдавливают меня почти до боли, вырываясь наслаждением, Даландин прижимается ко мне, тело ее дрожит от возбуждения, она осыпает мою грудь поцелуями.

Улыбаюсь, наблюдая, как она надевает платье, как омыва-

ет лицо холодной водой, чтобы скрыть румянец, как смотрит на меня, вновь краснея.

– Приходи сегодня ночью в мои покои, – предложил я.

– Да, Теллиарон, – опустив глаза, соглашается Даландин.

– Для тебя Телль, – поправил я.

– Телль, я приду, когда скажете, – и мягкие губы касаются меня на прощанье.

ГЛАВА 3. ВАГАРДА, АСЕСТИМ. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Возница поднял на меня ошеломленный взгляд, в трактире нестерпимо воняло, хотелось выскочить на улицу поскорее или хотя бы открыть окно. Но в местечковом питейном не сильно следили за чистотой воздуха, ладонь коснулась чего-то липкого, я отдернула руку от стола; да и за чистотой вообще.

– Чего пристала, отвали, – едва ворочая языком, возмутился мужчина, –уродина... – последнее слово повисло в воздухе, не успев прозвучать, мой кулак тут же впечатался в небритую рожу.

– Эй, он мне еще не заплатил! – орал хозяин заведения, пока я вытаскивала пьянчугу из-за стола.

Толстяк, запыхавшись, подбежал и протянул руку:

– Полтора сарта, – потребовал трактирщик.

– Он что, драгоценности жрал? – возмутилась я.

– Полтора. Сарта. – Медленно повторил мужчина, преградив мне дорогу.

Возница был в отключке. Бросив тушу на стол, залезла в его карман и выудила оттуда горстку мелочи. Хозяин моментально пересчитал монеты и вновь протянул руку. Ситуация становилась неприятной: если я не заплачу, он позовет гвардейцев, они непременно спросят, что с возницей. Эти расспросы и выяснения затянутся не на один день, а мне сегодня же надо в столицу, в Асестим. Хорошо, что на толстом, как сарделька, пальце служителя королевской конюшни нашлось кольцо. Треснутый камень и медная оправка смутили трактирщика:

– Это на сарт не тянет, – упер он руки в бока.

– Можешь ему врезать на остальные сарты, – предложила я, кивнув на возницу.

Хозяин заведения взглянул на храпящее тело, но отказался. Осмотрев эмблему столичной гвардии на моем плече, он ушёл, приняв медный перстень.

Кобыла лениво переставляла узловатые ноги, тощие бока вздымались и выдыхали так шумно, что иной раз я опасалась использовать кнут, чтобы не добить дряхлую скотину. Пришлось самой взять вожжи и дать время вознице проспаться: очень уж не хотелось тратить время на объяснительную по приезду. Ведь завтра в полдень наступает день окончания моего контракта, голова кружилась от праздничных мероприятий: первым же делом заеду по роже капитану, я узна-

вала, за это много не дадут. Потом отправлюсь на перекресток Шахтерской и Торговой, узнаю подробнее про обладателя магического клинка в золотой оправе, что меня изуродовал, и навещу. За это уже дадут побольше – потому сразу перееду.

Натирая клинок кусочком кожи, глянула в отражение: угольно-черные волосы, собранные в тугие жгуты от самой головы, желтые глаза и бронзовая кожа. Но больше всего мне нравилась коричневая чешуя, что расплзлась от висков, вниз по скулам, шее и дальше по плечам, бокам и бедрам. За этот окрас нас и называли то драконьими детьми, то змеями, а то и вовсе гадами и аспидами. Смешно, ведь из всех существ Дарона только драконы и могли убить нас, укусом отравляя смертельно и рождая вечное противостояние драконов и драконьих детей.

Возница громко всхрапнул, испугав кобылу, тощее создание прижало уши и изобразило некое подобие рыси на пару минут – до чего же жадничали королевские казначеи, когда дело доходило до контрактников. Ещё день-два и эта кляча издохнет своей смертью. Как раз под стать старой скрипящей, как колени горного тролля, телеге. Гвардейцы-люди на таком не ездили, их жеребцы были бодрыми, гладкими, у капитана и вовсе был тонконогий рысак. А за мной что ни задание отправляли не то, что рысаков, а их ломовых прапрабабушек. Но именно сегодня это было особенно обидно, придётся ехать таким темпом всю ночь, иначе к рассвету стен

Асестима не видать, как своих ушей.

Смеркалось, кляча едва переставляла ноги, копыта гулко топали по песчаной дороге, я задремала. Вдруг кто-то тронул меня за плечо, дернувшись, обернулась:

– Где мой перстень, ты что, обчистила меня? – взвизгнул очнувшийся пьянчуга.

– Хозяин трактира предлагал отдать тебя на потеху орку, спасибо скажи, что перстень подошел больше, – нашлась я.

На лице с низким лбом и с густыми нависающими кустами бровей промелькнули следы раздумий.

– Это кольцо моей бабки, поворачивай! – потребовал возница.

– Медный перстень с треснутым камнем? Тоже мне, фамильная ценность, – огрызнулась я.

– Поворачивай, сказал! – потребовал пассажир и немного подумав, пригрозил, – иначе расскажу, как ты мне по морде заехала.

– А я как ты пропил пять сартин на мою похлебку, – напомнила я про свой несостоявшийся ужин.

– Поворачивай, глупая девка! – рявкнул возница, – мне жалованья за день не будет, а для тебя я розги попрошу! Я швырнула ему в лицо вожжи, угрюмый компаньон принял их, молча пересев вперёд.

Устроившись сзади, задремала, обратной дороги было не избежать. Асестим встречал нас в рассветном зареве могучими серыми стенами, такими же израненными в боях, как

и моё тело. Эти камни помнили вторжение магиконцев, битвы за тихарийские поля с эльфами и нападки азагуров, после которых люди уплачивают дань до сих пор. Когда вернусь в Гурию, как свободный гражданин, тоже буду получать содержание от короля, те самые деньги, что уплачивают азагурам все соседи в обмен на мир. Должно быть, именно поэтому у нас сложные отношения с остальными обитателями Дарона – нас недолюбливают, – хотя за пятьсот лет мира они должны бы оставаться благодарны.

Раньше азагурам было худо: соседи считали своим долгом пройтись по городам и забрать последнее. Маги выезжали в земли Гурии, чтобы отточить навыки адептов и проверить смертоносность артефактов, эльфы и люди не брезговали бессмертными рабами, а уж что творили кровожадные орки! О выходках одного из клыкастых до сих пор ходили жуткие байки, а имя одного орка – Гхусейман, – и вовсе стало ругательством.

Прихватив с собой пару драконов, любой князёк уносил сотни жизней и всё, что ему понравилось в Гурии.

Но потом на трон взошел Барион Железный, объединив воюющие города, прекратил междоусобицы и дал отпор нападкам. Перебив в славных сражениях всех драконов и избавившись от драконьих зубов и костей, обитатели Гурии сложили пару-тройку баллад и принялись вновь готовиться. Сильные руки были таковыми всегда, особенно сжимая рукоять меча, ноздри чуяли по-звериному, ноги не знали уста-

лости много верст. Мы ничего не умели, кроме войны, рождаясь и умирая лишь для неё. Нас останавливали только драконы и старость, которой мы ожидали почти тысячу лет. Потому бессмертная орда под рукой Бариона Железного триста с лишним лет не давала расслабиться оркам, магиконцы не успевали отстраивать разрушенные башни, остроухие плакали над горящими лесами, а людей пугало даже упоминание о восточных соседях.

Но то время ушло в баллады с кончиной великого короля: старость забирает к себе даже великих. И наступило молчание. Кто бы знал, что великих воинов можно победить не славной битвой, а ежегодным содержанием? Ни одной войны, ни одного похода за пять сотен лет! Азагуры захирели, как грифон в клетке, разучившись не только воевать, но и думать. И коротали свой длинный век за кружкой эля, забыв о наследии предков, ничего не желая, не строя прекрасного и не приумножая великое.

Северные земли Гурии не славились урожайностью, а Бедное море, омывавшее берега, носило имя непросто так. Самым ярким воспоминанием детства стала моя девятая осень, когда с огромного поля, которое мы обрабатывали с ранней весны, собрался всего один воз ржи. Разгрузив снопы во дворе, отец посадил меня на телегу и увез в столицу Аландиса, продав в проститутки. Никто больше не спрашивал обо мне – азагуры перестали заботиться даже о собственных детях. И порой, когда в моей жизни наступали худшие времена, я

не знала, на кого злиться больше: на людей, что заставляли делать меня гадкие вещи, или на отца, что это позволил.

Солнце стояло высоко в зените, как только мы прошли сквозь чёрные дубовые ворота столицы людей. Спрыгнув с телеги, поспешила к решеткам, закрывавшим вход в казармы. Дорогу тут же преградила стража, напомнив, почему я так ненавижу торопливое людское племя и что я опоздала. Нехотя, под непрерывное декламирование строк из устава, мне открыли ворота.

Пробежав десяток чумазных барачков, что жались друг к другу на заднем дворе, ворвалась в казармы, помчавшись со всех ног по коридору, капитан ненавидел опоздания.

Мужчина сидел спиной к двери, изучая какой-то потрепанный свёрток, и не спешил уделять внимание мне. Он медленно встал, подошел к полкам и перенёс на стол чернильницу с гусиным пером:

– Вагарда Вэркус, сегодня ваш контракт истекает, – наконец произнёс он.

Не теряя ни секунды, выложила на стол меч и плащ с нашивкой гвардии, готовясь врезать по гладко выбритой морде после слов о моем освобождении. Неожиданно капитан посмотрел на меня так удивлено, будто увидел дракона:

– Что? – спросила я, усиленно вспоминая строки протокола.

– Опоздание, – вскинул бровь мужчина.

– Прошу простить, – склонилась в коротком поклоне.

Мерзавец не спешил с ответом, порывшись в ящике стола, достал трубку, медленно набив табаком, закурил, не спуская с меня хитрых лисьих глазёнок.

– Прощаю, – сказал он, не торопясь отдавать контракт.

Я непонимающе уставилась на бритую физиономию с цепким взглядом:

– Прощаю и зла не держу, – повторился капитан, и я почувала неладное, – вот только отработать придётся, – сдавила кулаки так, что костяшки побелели, наши взгляды схлестнулись в дуэли. – Близир не вернулся, так что сходи за ним, глянь что-как, донеси. Потом и подумаем с контрактом, – гаденько улыбнулся капитан.

Близир был одним из наших, азагуром, только документ на службу он подписал своей рукой, хотел подзаработать. И в умениях его сомневаться не приходилось: воин он был опытный. Неприятное волнительное предчувствие липкой кашей растеклось где-то в желудке.

– Как долго его нет? – уточнила я.

– Неделю пропадает, – густое облако вырвалось из трубки капитана, – отправили в местечко на юго-восточной границе, зачистить болото перед постройкой дороги. Там жители жаловались на вой с болот, и двое крестьян пропали с месяц назад, – лениво передавал капитан, прекрасно зная, что по закону я не смогу отказаться.

И хоть это было последним свинством, продлевать и без того двадцатичетырехлетний контракт, капитан воспользо-

вался способом решить проблемы задёшево, отправив первоcontractника. Все мы знали, как подделываются документы: выписывается один человек-гвардеец, а едет почти дармовой азагур. На сэкономленные сарты капитан и носил такие начищенные новые сапожки и гладкую рожу, а мы, азагуры гвардии зачистки, редко знали отдых, отрабатывая бесконечные отловы.

Снарядили меня по-осеннему, выдали пять сартов за работу с болотницей, что потрошила меня неделю. От обиды хотелось ударить казначея.

Хлопнув со злости дверь, вышла прочь, крепко задумавшись. Может, Близир загулял? Всё-таки он не первоcontractник, как я, у них и прав побольше, оружие получше, и да, самое главное – сарты им на руки выдают и до задания, и после, если граждане будут сильно благодарны. Размышляя так, я и отправилась со снаряжением, и с твердым намерением непременно врезать капитану, как порву бумагу, что на двадцать четыре года и ближайшие пару дней испортила мне жизнь.

ГЛАВА 4. ТЕЛЛИАРОН, СВЕТЛЫЙ ГОРОД. НОВЫЙ КОРОЛЬ

Сахарные ягоды брону таяли во рту, солнце прорезало лучами тончайшие серебряные завитки, что украшали ставни моих покоев, и отбрасывали на стены причудливые узоры.

Эльфийские мастера считались лучшими, когда дело касалось металлов, пожалуй, искуснее были только гоблины и то, только в ювелирном деле. Мой друг Ивир выковал эти ставни вместе с отцом.

Потянувшись к золотому подносу, взял еще одну и поднёс к губам спящей Даландин. Синие глаза распахнулись, улыбаясь, она раздавила ягоду, приснул красный сок, измазав пухлые губки. Девушка приблизилась, касаясь меня обнаженной грудью, сладкие губы дотянулись до моих. Вдруг раздался стук, разрушив утренние радости:

– Телль, ты же помнишь про праздник Возвещения сегодня? – послышался голос Сабата за дверью.

– Да, уже иду, – и хоть вставать совсем не хотелось, потянулся к одежде.

На Возвещение, согласно традициям, созывались все князья и жители: гости приедут отовсюду, даже с самых дальних земель и окраин. На празднике под Белым Дубом отец должен будет огласить свой выбор – кто из двоих сыновей займет место на троне уже в следующую Луну.

Со дня сотворения Светлого города на троне побывало много знатных эльфов и эльфиек: великие целители, что очищали от скверны новые земли, маги, что поддерживали плодородие и, конечно же, воители. Читая имена, что писались золотом на белоснежные плиты Храма Теней, я с детства видел своё. Среди Ибелинды Повелительницы Дракона, Берелима Золотого Щита и Азигерода Храброго я видел

Теллиарона Завоевателя. И хоть я был рожден бастардом и приравнен к законным наследникам лишь в десять лет, наши законы не брали это в расчёт, ровняя наследников.

Гоблины, что засели под горой, перестанут дрессировать троллей, грабить, жечь урожай и падут, как только моё войско направится к востоку. Сморщенные не видят сильного короля на троне и потому позволяют дерзкие набеги, но Телль Завоеватель прекратит это и приумножит границы Светлого леса.

Следующими станут орки. Именно этих обитателей Дарона я недолюбливал больше всех. Существа с серой кожей, что зрели до взрослого размера в яйцах, закопанных в земле, не знали ни отцов, ни матерей. Грубо сложенные, с наростами и дефектами, орки рождались подчас такими уродливыми, что смотреть на них было оскорблением для глаз. Морду украшали торчащие из длинного рта клыки, глаза смотрели безумно, словно у хищного тугуна. Клыкастые признавали только силу и жестокость, применяя их везде, где дотягивались руки и пожирая даже себе подобных. Северо-восток достаточно натерпелся набегов клыкастых и тварей, которых они тащили с собой из Чернолесья, и хоть на эту войну будет потрачено много сил, именно так я впишу имя на белые стены храма. Когда я взойду на престол, на наши земли перестанут посягать, светлые границы станут священны.

Сабат медленно помогал с одеждой, старые руки утратили былую ловкость. Как я не сопротивлялся, нянь заставил

меня надеть что-то вместо брони. Белая рубашка до колен с острым глубоким вырезом смотрелась нелепо:

– Я не женщина, что ты притащил? – возмутился я, подойдя к зеркалу.

– О, Великий Принц, так ли велика разница между сущностями разнополюх существ? – Сабат обладал магией и подчас забывал, что я ей не владею.

– Старик, я не знаю, что именно сейчас ты процитировал из магиконовских талмудов, но я не стану надевать это! Что?! – Сабат под старость совсем оглох, и теперь тыкал мне под нос длинную золотую серьгу с каплевидным рубином, – да ни за что!

– Это любимая серьга твоей матери! – возмутился старик, – глупый мальчишка! – выругался он и всё-таки воткнул в мочку уха иголку, – ты должен надеть что-то от неё, так её сущность будет рядом!

Выдохнул – Сабат умеет быть невозможно настойчивым. Старик отёр шёлковым лоскутом каплю крови на ухе, и подвязал белую рубаху золотым поясом, я побоялся спрашивать о его происхождении и лишь радовался, что ради этого украшения мне не придётся делать новые дырки.

Удивительно, как долго жили маги и эльфы, и те, кто был и тем, и другим одновременно. Сабат не знал своего возраста, но помнил, как в детстве отец и братья ушли с Берелимом Золотым Щитом на битву с орком Гхусейманом, а после, как они не вернулись со сражения с бессмертной ордой

Гурии. Сабат стал сиротой, его подобрала моя прабабка, разглядев в оборванце с северо-восточной границы юного мага. Мальчишку отправили в Магикон на обучение, а когда он вернулся, королева родила очень болезненную, слабую и едва живую девочку. Так Сабат, обладая сильным магическим даром, сделался нянькой, оберегая здоровье и жизнь моей бабушки, затем её дочери и сына, и наконец, достался мне. Я не был хилым от рождения, напротив, я был крепче Визальта. Но здоровье кронпринца не доверили в старые дрожащие руки Сабата, вручив в них меня.

– Доволен? – злился я, – сделал из меня магиконскую девочку! – Сабат тихо посмеивался, собирая мои черные локоны в тугий хвост.

Смуглая кожа матери так контрастировала с белой рубахой, белыми штанами и перчатками, что я недовольно морщился – так я выглядел еще более темнокожим. Оголил уши, чтобы надоедливая детвора и гости, что скоро придут в Светлый город, не задавали глупых вопросов.

– Ты похож на мать, загорелый, крепкий, – говорил старик, ощупывая дрожащими руками мои икры и помогая надеть сапоги, – как все в восточных землях, других бы орки и гоблины поджарили и сожрали.

– Да, я знаю. Отец мало уделяет внимания этим землям и границе, сморщеннолицые чересчур осмелели, – согласился я, вновь взглянув в серебряное зеркало, – но я всё исправлю.

И хоть с серьгой и обтягивающей рубахой я походил боль-

ше на эльфийку, аршинные плечи, закаленные в сражениях, и слава бесстрашного воина не дадут повода злословить гостям, уж в этом я не сомневался.

– В традиционном наряде вы прекрасны, – заверил старик, довольно осматривая плод своих трудов, – настоящий принц Светлого леса, – и я довольно улыбнулся.

В городе царила весёлая суматоха. Прямо на главной площади, среди зелёных деревьев торопливо устанавливались шатры и столы, на ветви навязывались длинные полотна белой вуали. Ветер колыхал на волнах тонкие ленты, вздымал волосы девушек, что устроили танцы прямо в главной арке, одна из них затянула балладу о драконе, перебирая тонкими пальчиками сверкающие струны арфы.

Все должно случиться совсем скоро. Я получу земли, за которые сражался долгих сорок лет, за которые терпел боль от восемнадцати ран на теле, земли, к которым я шёл всю свою жизнь.

И хоть чаще на троне восседали старшие дети, так было не всегда. На нём побывали и дочери, и умные жёны, и младшие сыновья. К тому же разница у нас с Визаальтом была всего в один день, это же такая мелочь! Отец, как бы я его не презирал за слабый характер, слыл мудрым королем. Правитель был обязан выбрать самого достойного члена семьи для передачи короны, того, кто нужен народу Светлого леса в этот момент. Ну, а в том, что сейчас землям нужен воин, я не сомневался. Отец, что правил почти полтора века, про-

славился мудростью, земли под его рукой находились в равновесии, относительном благоденствии. Ему удалось сохранить богатства Светлого леса, хотя месторождения эльфийской руды – лучшего и легчайшего метала в Дароне, – при его правлении иссякли. И тогда он наладил торговлю лечебными эликсирами с соседними государствами, простые эльфы почти не почувствовали изменений, наша медицина славилась веками и благодаря отцу приносила немалые деньги.

Но я считал крайне унижительным тот факт, что мы до сих пор платили дань азагурам. Какая-то мерзкая раса, в которой достойных вряд ли можно перечесть по пальцам одной руки, едва лучше низших тварей, почему-то кормилась за счёт труда эльфов! Само осознание возмущало до глубины души, и после гоблинов и орков я намеревался прекратить это унижительное содержание. Планы переполняли меня, роились и путались, мне ещё столькому предстоит научиться на троне, я был взволнован и лёгок, как перед началом боя.

– Приветствую, брат, – раздался сзади голос Визаальта, легкая, будто девичья, ладонь легла на плечо.

Нехотя обернулся: почему-то именно сейчас я ощутил к нему сильнейшую неприязнь. Голубое одеяние Визаальта делало его глаза ещё выразительнее, они всегда так выделялись на лице, смотрели на меня с каким-то снисхождением, будто он познал то, что мне не доступно.

– Приветствую, – едва заставив себя разжать зубы, ответил я.

– Твой грифон здоров, мы, наконец-то, его излечили, – сообщил брат, воображая себя великим целителем, хотя магии в его крови было ровно столько, сколько и в моей.

– Кого благодарить? – ответил я, скрывая насмешку, но Визаальт не заметил этого, или только сделал вид.

– Благодарю наших лекарей и корни окопника, – усмехнулся он так высокомерно, что мои кулаки непроизвольно сжались.

– Удачи на церемонии, – выдавил я.

– Она мне не нужна, – бросил Визаальт, удалившись прочь и оставив меня кипеть от злости.

Понемногу в столицу стекались гости, от разноцветных знамен именитых домов болели глаза, я не привык к такому разнообразию красок.

– Высматриваете будущую невесту? – поинтересовался неизвестно откуда возникший Сабат.

– Нет, мне хватает Даландин, – отмахнулся я, старик смерил меня холодным взглядом.

– Дочь лекаря, пусть и лучшего в городе, не достойна принца. Твоей женой она не станет никогда, – отчеканил Сабат и сердце неприятно сжалось, он был прав, но это всё равно мне не нравилось, – твой отец был бы рад крепкой дружбе с тихарийскими полями, к тому же их княжна красива, – намекнул нянь, легонько толкнув меня в бок, когда мимо прошла женщина под зелеными знамёнами, – прибрежные земли тоже сладкий кусок, их княжна ещё краше, – советовал

Сабат, кивая в сторону синих знамён.

– Это всё не важно! – отмахнулся я, – такие мелочи решу на троне.

– Пусть так, но даже если не ... – я сверкнул глазами так, что старик осёкся, – если вдруг не ты примешь корону, о выборе жены стоит думать внимательно, это не мелочь.

– Я займу трон! – отрезал я, – никаких "если", я достоин его.

– Я ведь не сказал ничего о достоинстве, – тихо возразил старик, однако рассуждения окончил.

В музыке и цветах утопал город, маги постарались взрастить к празднику сотни цветущих лоз, белые цветы срывались от собственной тяжести, то и дело падая, кружась и закручиваясь опускали под ноги свои нежные лепестки, чтобы быть растоптанными толпой. Подняв бутон, Сабат осторожно приколол мне его на рубашку.

Вечерело, вокруг танцевали девушки и парни, все веселились, играла задорная музыка, и музыканты всё ускоряли темп танцев. Столы были заставлены угощениями, но, ни один кусок не лез в горло, волнение сжало цепко, сковав узкими цепями горло даже для вина. Меня и Визаальта расположили по обе стороны от отца, что восседал в центре. Я не сводил глаз с терновой короны – символом того, что власть бывает тяжела, – серебряные и золотые ветви терновника сплетались в причудливом узоре и были смешно велики для старческой головы и вытянутого, худого лица.

Рука поднялась вверх, музыка тут же затихла, король встал, окруженный подданными, сердце стучало так скоро, как ни на одной из битв. Взяв лампу, отец направился вперёд, белый свет падал на землю, вырывая из тьмы белоснежные опавшие бутоны, нам с Визаальтом выдали лампы, вдохнув поглубже, я направился вслед за процессией. Белый замок распахнул свои двери для всех гостей, путь к Священному Дубу – сердцу замка, – лежал через Храм Теней.

В свете сотен ламп сверкали золотые буквы, скоро, совсем скоро...

ГЛАВА 5. ВАГАРДА. БОЛОТО БЛИЗ ШИМСУНА

Жёсткое мясо совсем не жевалось, челюсти свело, а я едва откусила треть. Похоже, тот, кому оно раньше принадлежало, умер не от топора мясника, а от глубокой старости.

«Что ж, скоро и этого удовольствия не останется», – с грустью подумала я, окидывая взглядом остатки пайка.

Сидела, приложившись спиной к толстому стволу, поросшему мягким мхом, зад неприятно холодило, все-таки чувствовалась осень. Да и в общем-то Шимсун, – городок, неподалеку от которого пропал Близир, – был более холодным, чем прибрежный Асестим. Но королевскую гвардию это заботило не сильно, амуницией потеплее снабжать никто не торопился, да и паёк не расширили. Сделав усилие, всё же прожевала последний кусок из мешка, живот недовольно просил

продолжения, но ничем порадовать его я не могла.

На проклятых болотах я просидела больше семи дней: мало того, что никакого толку, так и есть здесь кроме поганок и мха было совершенно нечего. Местные жители худой одежкой, больше напоминавшие оборванцев, клялись, что на болотах и в окрестном тёмном лесу, который длинными руками простирался до самой Гурии, поселилась нечисть, но, ни единого звериного следа, ни единого запаха я не чужала. Обиднее всего было, что такой ответ в гвардии не примут, и я вынуждена была сидеть тут пока не найду причину, даже сверх контракта и штрафных дней за наказание. А значит магический ошейник, что можно снять только вместе с концом контракта, продолжит висеть на шее, высасывая силы. Но, делать нечего. Поднялась на ноги, решив пройти всё болото насквозь и вернуться с докладом. Ухватив шест, продолжила путь.

С такими размышлениями я и плелась дальше, вглубь топей, прощупывая кочки длинной палкой. Влажный мох до того напитался влагой, что намочил сапоги, кое где из-под толстых кочек черными пятнами проглядывала болотная вода. Почва под ногами неприятно колебалась, словно была живой. Было бы крайне отвратительно попасть в трясину и пролежать в ней пару столетий, ведь вряд ли тут часто ходят. Может, Близира постигла именно такая участь? Подумав так, начала останавливаться у подозрительно больших кочек и звать пропавшего по имени.

Смеркалось. Дальше идти по зыбкому тонкому ковру мха, отгораживающему от черной воды, становилось опасно. Вдали показалось дерево со сломанной макушкой – верный признак отсутствия толстого слоя почвы, однако какая-никакая твёрдая земля под деревом должна была иметься, и я решила остановиться там. Подложив под низ опустевший мешок из-под пайка, я устроилась на ночёвку прямо под этим деревом, плотнее укутавшись в шерстяное одеяло – мой давний трофей, – легла на землю и задремала.

В нос влез странный запах: смесь сырой земли, мха и каких-то не в меру резких трав, от него я и проснулась. Лишь много позже раздался тихий всплеск воды, кто-то осторожно пробирался в сторону городка прямо из центра болота. Приподнялась на локтях, вглядываясь в темноту, ночь, как назло, выдалась темной: луна только начала отращивать новый бок. Однако даже в слабом голубом луче я разглядела нечто: громадный, раза в два больше меня силуэт на мгновение накрыл тенью, ступив совсем рядом с деревом. Припав к земле, задержала дыхание, сердце выпрыгивало из груди, руки напряженно сжимали рукоять, только бы тварь не учуяла! Тихий всплеск и нечто двинулось дальше, я лишь позволила себе чуть повернуть голову, чтобы рассматривать существо: черные воздушные клубы укутывали тело, подобно тому, как болотницы прячутся в магию, вот только это было крупнее. От одной только мысли о родстве с болотницами становилось не по себе – при таком росте у твари будет

зверский аппетит. Двигалась неизвестная живность быстро, что странно, прямо по проплешинам воды, старательно избегая ступать на мох, теперь стало понятно, почему я не нашла следов, однако было совсем не понятно, почему оно не тонет в трясине. Сжав клинок, я вскочила на ноги и поспешила за тенью. Будь что будет!

Тварь замерла на месте, встрепелась, услышав меня, и вдруг побежала так быстро, что я едва поспевала, чтобы не потерять её из виду. Прыжок, ещё и ещё, я стремглав неслась по кочкам, выбирая только те, рядом с которыми ступало существо – ведь если оно не утопилось, там было мелко. Неожиданно пучок травы, на который я прыгнула, провалился. Всем весом рухнула в воду, по пояс угодив в густую кашу, тут же сковавшую меня, паника охватила волной, я рванулась вперёд, позабыв про всякий здравый смысл, трясина тут же вцепилась сильнее, утащив меня вглубь по самую грудь. Вспомнила, чему учили в гвардии, знания немного успокоили, хоть болото медленно звало к себе. Осторожно дотянулась до креплений нагрудника, расстегнув его. Плотный кожаный предмет амуниции плюхнулся на болотную кашу, собравшись с духом рванулась вперед – второй попытки топь не оставляет. Упав животом на плоский нагрудник, вылезла на половину, в таком положении каша затягивала медленнее, второй рывок и я достигла своей палки, что валялась рядом, за третий бросок оказалась на кочке, топь недовольно чмокнула, выпуская меня и проглатывая палку.

Ни сапог, ни нагрудника, меч, закреплённый на поясе, уцелел чудом. Грязная, замерзшая, голодная я тряслась на кочке, проклиная свою жизнь. Беднягу Близира искать было бесполезно – он где-то в этих топях, умирает сотни тысяч раз и молит о смерти всех демонов и богов. От одной мысли трясло: страшнее мученья тяжело было даже представить.

Лишь много позже, успокоившись, несмелыми шагами я вернулась к дереву, пробираться без шеста было страшно, а после встречи с черными водами ноги и вовсе едва слушались. Плюхнувшись на твердь пошире стопы, почувствовала чудовищную усталость, только теперь мысли смогли течь нормально.

Отчетливо видела, как тварь ступала по тому месту, где я провалилась, но болото там было не мелкое, в этом уж я убедилась достаточно. Существо было крупным, громоздким, по всем признакам весить оно должно было не меньше моего, но вот загвоздка – оно не тонуло, а с легкостью бежало по воде.

«Тварь магическая»! – треснуло в голове.

Другого объяснения быть не могло: вес, не соответствовавший силуэту, необычайные способности, такие как беспрепятственный бег по топи, отсутствие животного запаха, и черный дымок, что окружал туманом тело.

Злость захлестнула с новой силой – раз есть магия, значит, есть и хозяин. Мерзкий магиконец, уж явно не самый законопослушный, раз отсиживается на болоте, потешался

вовсю сначала над бедными оборванцами из местечка, воруя хорошую еду, которой у них едва ли когда-нибудь хватало, потом над несчастным Близиром, что теперь умирает и возрождается глубоко в трясине, а теперь и надо мной.

«Порубаю сволочь на рагу!» – пообещала самой себе я, и злость придала бодрости.

Осталось только вычислить, куда волшебная гадина таскает награбленное из деревни, и хозяину конец. Немного пораскинув мозгами, я придумала отличный план.

На следующий день, вернувшись в местечко к полудню, я распорядилась как обычно именем королевской гвардии зачистки, закоптить все мясо, что имелось у крестьян, – уж аромат такой еды я учую даже на болоте. А сама принялась караулить поселок каждую ночь, совершая обходы, чтобы тварь не успела стащить припасы заранее. Крестьяне так радовались, что можно спать спокойно, не боясь, что все зимние припасы к утру могут исчезнуть, что даже пару раз меня накормили и подарили пусть и сильно поношенные, но теплые лапти.

Наконец, всё было готово. Жирные окорока развесили на всякий случай в двух местах, в домах, что жались ближе к лесу. Аромат стоял прекрасный, и хоть желудки урчали у всей деревни – с приманок не пропал ни единый кусок. Наступила третья ночь.

Совершив обход для виду, я устроилась у подветренной стороны дома на лавке и притворившись спящей. Ждать

пришлось долго, и хоть резкий травяной запах ветер приносил еще с вечера, тварь отважилась подойти только к утру. Пришлось долго храпеть, разыгрывая спящую, наконец, магиконец осмелел. Грузная тень отделилась от леса, направившись к крайнему дому, где в сенях, прямо у окон, лежал толстый копченый окорок.

Запахло горелым деревом, – магиконец проникал в дома, прожигая двери у замков, – петли тихо скрипнули. Я довольно улыбнулась своей смекалке, и через пару минут убедившись в пропаже, двинулась по ароматному следу.

Самодельное чудище устремилось с добычей к хозяину, тихонько шлепая по воде, я не спешила его нагнать, и осторожно выбирая кочки, шла сзади. Мы пересекли болото почти полностью, и вдруг шаги затихли в самом топком месте – вокруг почти не было кочек. Я остановилась, приняв хавшись. Запах стал слабее, значит, окорок внесли в дом или съели, мы пришли на место. Вытащив меч из ножен, направилась вперед – схватка с магической тварью то ещё мероприятие, но, если хозяин отвлекся, то мне повезло.

Преодолев большими прыжками расстояние, выскочила на поляну, что вдруг возникла посреди топи, крошечная лачуга без окон, с единственной дверью занимала часть тверди, грудой мха у порога обмякло «чудовище». Теперь, когда воля господина его оставила, оно было лишь комком травы. Тихо, как кошка ступила на поляну, выставив меч вперед, за избушкой раздавался плеск воды. Надо было попытаться

освободить Близира взамен на арест мага, а не казнь. Рывок и я оказалась у источника звука: спиной ко мне, в одном исподнем стоял остроухий.

– Допрыгался, ушастик? – сталь мягко легла у белой шеи.

Эльф тут же попытался ударить в мой бок, но это было предсказуемо, увернулась, плотнее приставив острие к шее:

– Именем короля Аланд...

– Сабат! – взревел остроухий, чтобы это не значило.

Я замахнулась, чтобы привести приговор в действие, как вдруг что-то ударило меня по голове так сильно, что меч чуть не выпал. Эльф отскочил от меня подальше, удержавшись на ногах, я быстро обернулась, приготовившись к бою. Нападавшим оказался седой старик с палкой в руках, гхусейман подери! Их оказалось двое. Молодой уже выхватил меч, куча мха у порога пришла в движение, трое на одного. Будь мы вдвоём с хозяином чудища, такого прокола не было бы, он бы не смог сражаться и командовать монстром одновременно, ох как я попала! Оставшись спиной к воде, приготовила клинок, двинувшись на молодого, надо было срочно вычислить хозяина кучи и уровнять шансы. Ловко отбив мой выпад, остроухий перешёл в атаку, увернулась, глядя на чудовище, оно ожило, встав во весь могучий рост, господином был старик.

Настырный ушастый перешел в нападение, решив, что этот маневр был моим максимумом, я отбивала удары с опережением, делая движения навстречу старику, начала атаку,

с молодым пором было кончать, он был бесполезен. Травяной монстр бросился на подмогу, закрывая собой молодого, мешал выпадам, острое то и дело вонзалось в мягкую траву, лезвие обрубало куски, но они словно живые вновь прибежали на место и срастались.

– Именем короля людских земель, владыки всего Аландиса, я, служитель второй гвардии зачистки, – делаю петлю по краю поляны, объявила я, – приговариваю вас к смерти! – выпад, и клинок прошел сквозь мох, ранив соперника.

Тот вскрикнул и схватился за бок, чудище тут же оставило меня, молодой шатался, но стоял.

– Она от людей! – крикнул раненый, вновь схватившись за меч, двинулся на меня.

Монстр поднял с земли палку и бросился на помощь, эльф вновь начал атаку, на этот раз быстрее, я уворачивалась, скользя по краю поляны, он не давал пробраться к старику, прекрасно уловив мои намерения. Чудище махало над головой здоровенной палкой, приходилось нагибаться и отпрыгивать. Едва медлительная палка пролетала надо мной, клинок ушастого устремлялся вперед. И всё же я была близко, пригнувшись, прыгнула вперед, миновала клинок и ударом ноги сшибла старика на землю. Молодой тут же набросился на меня, чудище упало, я перешла в бой, намереваясь проткнуть нападавшего, но он опять оттеснил меня на край поляны, как вдруг тяжелый удар сзади сшиб меня на колени, проклятое чудище ходило по воде, подобравшись сзади, и

как я могла забыть! Палка в мховых лапах и отключила меня, вторым ударом пригвоздив к земле.

ГЛАВА 6. ТЕЛЛИАРОН, СВЕТЛЫЙ ЛЕС. ПРЕДАТЕЛЬ

– Теллиарон, сын мой, – раздражающе спокойно ответил старик, – ты – младший.

– Я младше на один день! – казалось, в легких не хватит места для крика более громкого, злость клокотала удушающим пожаром.

– Закон не знает младших сыновей на троне, если есть старший! – сжав скипетр, напомнил правитель.

– Я бросал победы к твоим ногам! – сотрясаясь от злости, воскликнул я, слова эхом разнеслись по огромному мраморному залу.

– Действуя рукой закона, ты должен был его знать! – сверкнул глазами король, в тронном зале воцарилась звенящая тишина.

Сбросив одним рывком рубашку, обнажил тело, что носило восемнадцать шрамов, десятки глаз устремились на меня.

– Каждый из этих рубцов служит напоминанием о жертвах, которые я нёс ради своего народа, – вымолвил я, – сорок лет в седле грифона я охраняю жизнь Светлого леса...

– И ты можешь делать это дальше, оставаясь второй рукой брата. – Я поднял взгляд, такой злости во мне не было более

никогда в жизни.

– Будь ты проклят, старик! – бросил я, повернув к выходу.

Стража шарахнулась, расступаясь предо мной резко, придворные испуганно провожали меня взглядом. Лишь старый нянька семенил за мной, не думая о чужих взорах.

Все знали Телля-воителя, но никто не видел Телля-короля.

Дверь за спиной захлопнулась, Сабат заботливо протягивал мне рубашку, едва поспевая за моими семимильными шагами. Я резко остановился, выхватив ткань из подрагивающих рук, взглянул на старика:

– Уходи! – взревел я, но он остался неподвижен, бледные глаза смотрели на меня по-юношески упрямо, я перевел дух и добавил мягче, – Сабат, со мной тебя не ждёт ничего хорошего.

– Телль, не делай того, что задумал, – попросил старик, будто прочитав мои мысли.

– И не думай вмешаться, иначе я забуду, что ты вырастил меня, – сверкнул глазами я, зашагав прочь от старика.

***

У покоев короля дежурило четверо. Обнажив клинок, я оставил его сзади, решительно двинувшись вперед, но едва дошёл до двери, стража молча преградила дорогу:

– Я не могу навестить брата? – спросил, с вызовом глядя

в глаза под забралом.

– Приказ вашего отца, – коротко рапортовал стражник.

– Вот как, – хмыкнул я, – значит, я могу рисковать головой ради правления брата, но не навещать его. Вот это милость! – клинок тут же оказался в моей руке.

Бросок и первый стражник упал, второй успел сориентироваться, и я получил удар в живот, двое других яростно бросились на меня, завязалась драка. Шум разлетелся по пустому коридору, я успел ранить ещё одного, мечи стучали, исполняя песню стали. Как вдруг боль опалила ногу – раненый, что лежал на полу, ударил меня по лодыжке, я отвлекся, чтобы добить его. Изловчившись, второй бросился на меня с протянутым вперёд клинком, как вдруг резко остановился, замер как вкопанный с остекленевшими глазами и упал, словно был камнем. За спиной последнего стражника стоял Сабат, наши глаза пересеклись, старик даже взглядом пытался меня остановить, развернувшись, я распахнул дубовые двери спальни. Визаальт ждал меня с клинком на изготовке, но в его девчачьих руках это выглядело так жалко, что я расплылся в злорадной ухмылке:

– Как же ты ничтожен, правитель, – выдавил я, делая шаг навстречу.

– Остановись, Теллиарон! – ровным тоном приказал он, подражая отцу.

Я сделал выпад, Визаальт отпрыгнул, укрывшись за толстым столбом у кровати.

– Сюда идет стража, остановись, безумец! – взвизгнул он.

– А ты меня останови, – прошипел я, бросившись вперед, но брат увернулся, меч с треском разрубил столб, обрушив дерево на ложе.

На коридоре слышался топот, осталось слишком мало времени, я сжал рукоять и прыгнул, кусок белого шёлка, срезанного с рукава Визаальта, устремился вниз, меч со звоном выскочил из его тонких рук. Второй размах и всё будет кончено, как вдруг мое тело пронзил холод, руки, пальцы, ноги – всё онемело в одну секунду, отказываясь подчиняться, я закричал, но из горла едва ли вырвался тихий хрип, мгновение, и я рухнул лицом об пол.

Сознание вернулось ко мне быстро, уже тогда, когда меня вели по тюремному коридору. В камерах, что располагались в подземельях, сидело трое пленных гоблинов, какая ирония, ведь это я их сюда притащил. Охрана даже не удосужилась снять оковы, прямо в них меня и запихнули в темницу. Решетки лязгнули за спиной, оставив меня в одиночестве ждать приговора, да, собственно говоря, ждать было нечего, за мой проступок полагалась смерть. Сев на пол я сжал голову руками, но так и не ощутил ни жалости, ни страха. Только злость. На отца, что вполне серьёзно предложил мне остаться тенью слабого никчемного брата, на новоявленного короля, на чьей голове терновая корона была нелепо велика, и на Сабата – старый нянька предал меня, не дав убить ненавистного Визаальта, именно его заклятие и привело меня в

клетку и через пару часов отправит на эшафот.

Время пронеслось мгновенно, не думая ни о чем я сидел и покорно ждал меча, что вскоре отделит беспокойную голову от тела. Усталость навалилась грузно, казалось, я не спал десятков ночей к ряду, хотелось просто лечь на этот холодный каменный пол и больше не просыпаться никогда. Но впереди у меня ещё крики, осуждение, ненависть, ведь я совершил самое худшее, что может сделать эльф – убил собратьев и покушался на жизнь короля.

– Встать, лицом к стене, – скомандовал один из стражников, оковы на моих руках сомкнулись с длинной цепью, что вела к ногам.

Меня вывели из темницы, свет яркого заходящего солнца, что кровавыми облаками закрыл небо, больно бил в глаза, привыкшие к полумраку. У ступеней главного входа во дворец собралась толпа, но, как ни странно, я не услышал ни единого крика – полная, абсолютная звенящая тишина воцарилась на площади. Неподалеку восседали отец и Визаальт, их лица были словно высечены из камня – беспристрастные, холодные, и, если бы не ветер, что колыхал полы одежды, их можно было счесть за изваяния.

Я сделал шаг, ступив на помост, сотни глаз устремились на меня, провожая в последний путь. Но ни единый мускул не дрогнул во мне, никакого страха или сожаления, я знал, что поступил верно и непременно поступил бы так еще раз.

В центре, на поспешно собранном помосте стояла колода

с воткнутым сверкающим мечом, и палач в черном плаще. Ветер растрепал волосы, бросив в лицо, я жадно втянул воздух, в последний раз – вот этого было жаль до горечи. Опустившись на колени перед колодой, взглянул на сверкающий в алых закатных лучах меч, я положил голову на плаху, закрыв глаза, ни о чем не жалея. Ну, вот и всё.

– Снимите с него кандалы! – вдруг раздался голос над головой.

Открываю глаза, не веря своим ушам, это говорит мой брат!

Палач замирает на месте, меч висит над моей головой, толпа вздыхает, гудит. Отец вскочил на ноги, не ожидая такого от Визаальта.

– Снимите с него кандалы, – повторяет он, палач медленно опускает меч, ко мне спешит стража с ключами. – Телларон, брат мой, я навсегда изгоняю тебя из Светлого леса и, если когда-нибудь твоя нога коснется моей земли, я убью тебя, – кандалы падают, освобождая руки.

Медленно поднимаюсь на обмякших нетвердых ногах, всё еще не в силах поверить, что спасен. Таким же нетвердым шагом схожу с деревянного помоста, что чуть не стал моим последним пристанищем, толпа расступается, иду по коридору из сотен лиц, что устремили на меня жадные взоры. Ворота распахиваются передо мной, открывая путь в неизвестность, все происходит будто во сне.

– Телль! – вдруг меня хватает за руку Даландин, она пла-

чет, тонкое тело сотрясается от рыданий, за другую руку ее держит отец, – я пойду с тобой! – отец сжимает ее запястья, девушка смотрит на него и добавляет, – Папа, пожалуйста, отпусти! – старый лекарь разжимает ладонь, вонзая в меня злобный взгляд.

Даландин вырывается, бросаясь за мной.

Эльфы расступаются – ко мне пробивается Ивир, за ним его отец и жена. Следом от толпы отделяются ещё и ещё эльфы, в основном солдаты, что дрались со мной рука об руку, их жёны и даже дети. Визаальт молча провожает нас взглядом, не препятствуя их выбору. И вдруг я замечаю Сабата. Гнусный предатель намеревается идти за мной, разворачиваюсь и бесцеремонно хватаю его за шиворот:

– Только посмей идти за мной, мерзкий старик! – швырнув его на тротуар, я выхожу прочь за ворота.

За спиной толпа скандирует:

«Визаальт! Визаальт!» – до чего же у нее переменчивое мнение.

Со мной идут самые лучшие эльфы, всего около сотни, я чувствую, как с каждым шагом тело наливается силой, а за спиной будто расправляются крылья – вот он, мой народ! И я сделаю всё, чтобы он был счастлив так, как я сейчас.

ГЛАВА 7. ВАГАРДА, БОЛОТА. НОВЫЙ КОНТРАКТ

Очнулась, голова трещала от удара, значит, эти двое не додумались меня убить, связанные руки затекли и болели. Меня усадили спиной к столбу, что поддерживал ветхую крышу, и привязали, пожалуй, даже чересчур крепко. В лачуге с низким потолком горел огонь, над костром висел черный закопченный котел, пахло похлебкой и мясом, небось, тем самым, что они уволокли у крестьян. Молодой эльф, худощавый и тонкий, с белыми волосами чуть ниже плеч, спал на узком ложе. Ребра его были забинтованы – моя работа. Старик суетился у котелка, что-то нарезаая на доске, сгорбленный, медленный, совершенно белый, и как он только не разваливается?

Странная парочка: дряхлый как сама земля, эльфийский маг, прислуживающий молодому остроухому. Кто же они такие? Молодой точно не воин, если бы не старик я бы его за полчаса прикончила и разделать успела бы, одежды богатой в лачуге я не увидела, хотя меч у парня был замечательный – белесая рукоять с орнаментом и клинок настоящей эльфийской стали, вот бы его присвоить. Подняла глаза от меча, тут же встретившись с взглядом его хозяина, остроухий проснулся и недовольно наблюдал, как я жадно пялюсь на оружие.

– Сбежать надумала? – язвительно заметил ушастый, сев на ложе.

– И ножик твой прихватить, – огрызнулась я, старик, услышав разговоры, обернулся.

Дед подошел к своему напарнику, подал тому рубаху и даже застегнул пуговицы, обтянутые шёлком, вместо молодого. Глядя, как он это делает, я хмыкнула, тут же молодой недовольно окинул меня взглядом:

– Старик, ты ему и зад вытираешь? – засмеялась я, дед оторвался от застегивания шёлковых пуговичек и укоризненно посмотрел на меня.

– Азагур, знай свое место, – пригрозил он.

– Пф. Не то что? – фыркнула я, с вызовом глядя в такие светлые глаза, что голубая радужка в них почти растворилась от старости. – Измучаете, как Близира, в топь бросите? Терпеть не могу остроухих, – сплюнула, – те же орки, только высокомернее.

– Как ты смеешь ровнять нас с орками?! – воскликнул молодой, но старик положил руку ему на плечо, успокоив.

– Злишься за того аспида, что пришел неделю назад? – уловил мой настрой старый, – ты можешь ему помочь.

– Это как же? – спросила я, не отрывая взгляда от белесых глаз.

– Взамен на услугу, – вкрадчиво начал он и я напряглась.

– Продолжай, – потребовала я.

– Ты хорошо владеешь мечом, – польстил старик, я, не теряя бдительности, слушала дальше. – Меня и моего господина ты сопроводишь до Серого леса, взамен я освобожу из топи твоего друга.

– Что? – возмутилась я, – взамен на путь через Магикон,

Амутгат, Зарнатх и Бездонные болота? Да не такой он мне и друг!

– Еще могу исцелить тебе все шрамы, – торговался старик, я засмеялась.

– Я десять лет пробыла шлюхой, этим шрамам я рада.

– Хорошо. Но ты только подумай, магический ошейник нельзя снять без разрыва контракта, я перезаключу его, ты отведешь нас, и договор будет исполнен, – заманивал старик, расставляя сети.

– Мне осталось только вернуться в Асестим, контракт истек ещё семь дней назад, – сообщила я.

– Только ты не вернёшься, – напомнил молодой.

– Да что ты! Ты что ли меня остановишь своими боевыми навыками? – огрызнулась я, – тогда чего мне руки связал, никак побаиваешься? – сероглазый эльф готов был сделать во мне дыру, его лишь сдерживал старик.

– Дам всё, что перечислил и его эльфийский меч, – не сдавался старик.

– Что? Да ничего подобного! – возмутился молодой.

– Нарон, остынь, – холодно осадил старик так, будто это молодой был его слугой, до чего же странная парочка, – король Серого города будет рад нам, он заплатит золотом, если же не заплатит – заберёшь его меч.

– Ну-ка дай поближе, – заинтересовалась я и слегка дрожащие руки старика поднесли ко мне острие, молодой недовольно пыхтел, но молчал.

Идеально гладкое лезвие, плавными линиями сверкало в лучах костра, ручка переливалась мелкими узорами, сверкая, словно бриллиант, от такого отказаться было сложно. Острейшая эльфийская сталь резала как масло даже толстокостные бошки горных троллей, ох, как же был заманчив этот трофей! К тому же, если вместо него получу гору золота, это тоже будет весьма и весьма неплохо: свободная, без ошейника и с сартами в кармане... Рядом всё время будет маг, пусть и старый, но он неплох, нас трое, двигаться будем быстро, по лесам, купим лошадей и дней за десять доберёмся.

– По рукам, – согласилась я, – освобождай Близира.

– Конечно, но сперва контракт, – напомнил старик, раскидывая по крошечной лачуге магические символы, что висели прямо в воздухе, заливая комнатушку зеленым светом.

Магия эльфов была не такой, как магиконцев, свет вместо золота сменила зелень, но это было очень красиво, хоть и не очень приятно. Ошейник ощутимо разогрелся, символы окружили меня, словно зелёные бабочки, порхали, переливались и шевелились:

– Я, эльф и маг Сабат Белый, заключаю с ... – он замялся.

– Азагур Вагарда Вэркус, – напомнила я.

– С азагуром Вагардой Вэркус договор, она доставит меня и Нарона в Серый город, за что ей будет уплачено золотом или эльфийским мечом, – произнес старик, нагнулся и распоров веревки, взял мою руку.

В полах широкой мантии он ловко выудил маленький клинок, лезвие полоснуло по белой коже, Сабат протянул нож и свою кровавую ладонь. Я сделала надрез и скрепила наше рукопожатие, символы в бешеном прыжке устремились в наши сомкнутые ладони, тут же исчезнув в них. Контракт был перезаключён.

– Меня зовут Сабат, а это законный принц Светлого леса, Нарониэль, – представил старик, указав на своего господина.

– Что ж принц не в замке, среди бархатных подушек? – ехидно заметила я, молодой недовольно хмыкнул.

– У власти сейчас его младший брат, цареубийца, незаконно взявший престол, – пояснил Сабат. – Мы отбились чудом.

– Другим словом его искусство владения мечом не назовешь, – заметила я, – хотя, ты, старик, надеюсь полезный в бою.

– Не сомневайся, азагур, – улыбнулся Сабат.

– Эх, за принца надо было просить побольше, – вздохнула я.

– Не переживай, золота дадут тебе достаточно, – огрызнулся Нарон.

– А может сарты и не возьму, мне твой ножик страшно понравился, – напомнила я и принц тут же спрятал меч в ножны.

– Что ж, пора исполнить первую часть договора, – сказал старик, вновь раскидывая магические руны.

Зеленое чудище вошло в хижину, забыв пригнуться, по пути потеряло половину, туловище быстро встало на новые ноги, и вернулось обратно. Магические символы завертелись вокруг мшистого, старик что-то бормотал, смешно шевеля губами, руны рассыпались, словно песок и вдруг с неистовой скоростью объединившись в один поток, устремились в чудище. Мгновение, и в лачуге не осталось ни одного символа, мшистый резко развернулся и вышел прочь. Я вместе со стариком поспешила на улицу, чудище уверенно двигалось вперёд, будто зная дорогу, надеюсь, оно отправилось на встречу с бедным Близиром. И как только я узнаю, что маг меня не обманул?

– Сабат, что у нас на обед? – оторвал меня от созерцания мшистого Нарониэль, этот баловень начинал раздражать.

– Ворованное мясо, – язвительно напомнила я, не поворачивая головы.

– Нам же надо было что-то есть! – возмутился принц.

– Ты мог бы сходить на охоту, – ответила я, – знаешь, сколько обычно крестьянских детей умирает в голодную зиму?

– Я верну это мясо! – горячился молодой.

– Ну да, ну да, – хмыкнула я.

– Перестаньте, – прервал нас старик, – в пути нельзя тратить драгоценное время на охоту и готовку, это мясо нам пригодится.

ГЛАВА 8. ТЕЛЛИАРОН, ЗАРНАТХ. ВЫЖЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Зажгли костры. Где-то неподалеку заиграла лютня, девушки затянули баллады Дарона. Благодаря царской милости моим подданным дали время собрать обоз, к завтрашнему вечеру мы покинем границы безопасного Светлого леса. Дом, в котором мы жили много столетий в достатке и благоденствии.

Куда идти теперь? Уронив голову на сложенные руки, я сидел в шатре, не торопясь выходить к эльфам: что я должен им сказать? Они ждут ободрения, ждут светлой жизни впереди, но я не могу врать. Северные земли принадлежат людям и азагурам, нам такое не по зубам, юг занял Светлый лес, который мы обязаны покинуть навсегда, с запада нас подперло Царское море, для которого у нас нет кораблей. Остался только восток: гоблины и орки, за которыми идет Чернолесье.

– Телль? – Даландин приоткрыла полу шатра, ожидая разрешения, чтобы войти.

– Я хочу побыть один, – огрызнулся я, но девушка вошла и вопреки моему желанию, села рядом.

Легкая рука легла на моё плечо, синие глаза смотрели с такой заботой, что это раздражало.

– Я сказал, что хочу побыть один, – не слишком вежливо напомнил я.

– Тебе нельзя сейчас быть одному, – возразила Даландин и, взяв мою руку, заставила ее обнять. – Я знаю, о чем ты думаешь, как и все в этом лагере.

– Неудивительно! – хмыкнул я, – теперь, когда мы подходим к границам гоблинов, половина передумала и не знает, как вернуться.

– Эти эльфы верят в тебя больше, чем ты сам! – возразила Даландин, вцепившись в меня решительным взглядом, – они взяли с собой своих детей, и повели за королем, который достоин этого титула.

– Они позабыли о том, что Дарон не бесконечен! – разозлился я, – что земли для лучшей жизни давным-давно заняты, и нас может приютить разве что Чернолесье!

– Не говори так! – Даландин от возмущения вскочила на ноги, – все мы знали, куда идем, но также мы знали, за кем идем. Так выйди к своему народу и ободрь их, а не отсиживайся тут!

Я взглянул на эльфийку: на белом лице девушки проступил румянец, она смотрела на меня решительно и гордо, и сколько бы я не злился, она была права. Тяжело вздохнув, я встал на ноги и вышел из шатра.

Музыка сразу прекратилась, все глаза смотрели на меня, Даландин была права – мою поддержку тут ждали все.

– Жители Светлого леса, все те, кто пошёл за мной, – несмело начал я, – завтра мы достигнем границ эльфийских земель и вступим на территорию гоблинов. Наш путь лежит

в Чернолесье, и я не могу обещать вам, что там будет так же хорошо, как здесь. Каждый, кто передумал, может сейчас вернуться, – я окинул взором слушателей, но никто из них не последовал прочь, – путь наш будет труден, но о нём сложат баллады.

Вдруг над лесом пролетел знакомый крик, эльфы устремили глаза вверх, в поисках издавшего его зверя. Мгновение и над головой промелькнули золотые крылья, мой желтоглазый союзник приземлился рядом, с длинной шеи свисали порванные цепи. Орлиная голова уткнулась в мою грудь, бока тяжело вздымались, из-под ошейника сочилась кровь.

– Теллиарон наш король! – воскликнул кто-то, и другие голоса вторили ему.

***

Рассвет встречал нас промозглой сыростью, мы провели последнюю ночь в светлых землях и теперь вступили в чужие владения. За семь дней, если двигаться быстро мы пересечём земли гоблинов и выйдем в дикий лес, но там едва ли будет безопаснее: ни клыкастые орки, ни ушлые гоблины не спешили заселять эти земли.

Когда-то, едва не тысячу лет тому, это место занимал Магикон, простираясь до самого Желтого моря. К власти тогда пришёл сильный маг, какие рождаются едва ли раз в несколько тысяч лет. Аламирилил Альй имел такое прозвище заслуженно – его войско стихий омывало кровью все земли, через которые проделывало путь. Орки тогда бросили свое ко-

ролевство и оттеснили гоблинов, земли азагуров были раздроблены надвое, когда Магикон расширял свои границы до Чернолесья.

Но у всякой прекрасной баллады есть начало и есть конец, Аламирил Алый потерял рассудок. Яростный, кровожадный, безумный и с артефактом элементов в руках – со временем и с пытками, что устраивал безумец, его возненавидели даже собственные подданные. Чувствуя брешь в стене, враги сплотились: азагуры, орки, тролли и гоблины, которые были безжалостно потеснены могучим соседом пришли к соглашению и напали на Магиконскую империю. О той битве сложено немало песен и легенд, единственный раз в истории земли драконьих детей породили сильного короля. Барион Железный, – легендарный воин Дарона, – будучи совсем юным, в возрасте шестнадцати лет, подхватил меч из рук убитого отца и пронзил великого мага, положив конец самому ужасному войску за всю историю. Правда, дальше союзному войску пришел конец, азагуры вышли из альянса, устремив мечи теперь на прежних помощников.

Так, драконы магиконцев полегли следующими, Барион Железный повёл азагуров на все земли разом, за триста лет изничтожив всех драконов и запугав соседей, король аспидов стал повелителем бессмертной орды, ещё одного великого войска.

В этих славных битвах сгинул артефакт стихий, про него остались только байки, что няньки рассказывали на ночь.

Были ли элементарии уничтожены на том месте, где убили Аламирила Алого, как говаривала половина люда в Дароне, или же просто зарыты в Чернолесье, никто не знал. Однако то ли потому, что артефакты и вправду хранились в тёмном лесу, то ли потому, что магия стихий была запретной и оставляла след, так или иначе, земли восточного леса поглотила скверна. Столь черная и липкая, что даже гарпии – дикие полулюди-полуптицы, рвавшие добычу на части и не знавшие насыщения, ушли из этих мест, поселившись севернее. А скверна продолжала порождать уродов даже через тысячу лет.

Всплыла картина из далекого детства – бродячий цирк гоблинов пришел на Весеннее благоденствие в Светлый лес, я был тогда так мал ростом, что возможно это воспоминание слишком уж искажённое. Но перед глазами и сейчас стояла громадная клетка, закрывшая в стальном чреве нечто отвратное: лысое четырехлапое существо с обвисшей кожей в нарывах и язвах, извергавшее из двух голов жуткий хрип. Гоблины утверждали, что то были волчата, возвращенные в утробе матери скверной.

А теперь мне предстояло не только пройти эти земли, но и найти место в них и уберечь тех, кто последовал за мной. Это пугало похлеще эшафота в Светлом городе, ведь что такое идти одному, а что такое распорядиться сотней судеб?

Я пребывал в смятении все эти дни, что мы шествовали по странному пейзажу. Зарнатх то был песчано-пыльным и

ровным на много миль, то вдруг нашу колонну обступали горы, прорезаемые ручьями и густым лесом. Земля под ногой была сухой и неплодородной, к такой почве в Светлом лесу мы не привыкли. Еды было мало, наш единственный маг земли, женщина, останавливалась и то и дело возвращала для всех нас какие-нибудь ягоды на засохшем безжизненном кусте, измучанные и голодные мы шли вперед. Весь день до самого заката солнце нещадно палило, иссушая последнюю траву и наши бедные головы, ветер, сухой и теплый сначала казавшийся таким ласковым, теперь, на шестой день пути растрескал кожу, а губы и вовсе изранил до крови. Жители Зарнатха больше приспособились к такой жизни: мелкий рост, на голову, а то и две ниже эльфийского, помогал экономить еду, грубая серая кожа с толстыми морщинами не так быстро обветривалась, удерживая воду внутри, и не боялась солнца, а длинные носы помогали учуять запахи и словить редкую добычу. Но даже приспособившись лучше остальных, гоблины больше полюбили прохладные подземелья, чем поверхность, перерыв сотни миль они устраивали свои города под землей, где могли расти грибы, коими они и питались. За весь долгий путь нам не встретились сморщеннолицые, лишь однажды вдалеке нас видели дети, но подойти не решились, скрывшись в горах.

Нам приходилось туго, припасы закончились, на редких кустах далеко не всегда получалось взрастить съедобные плоды и тогда я приказал охотиться. Мы, эльфы, почти не

ели мясо, да и откуда в Зарнатхе нормальная добыча? Пришлось немало вытерпеть, запихивая в рот куски жареной ящерицы, змеи, а то и вовсе горсть жуков. И если раньше на каждом привале мои эльфы пели, то теперь все молчали, потупив глаза в огонь, над которым поджаривалось что-то едва ли съедобное.

Но хуже всех приходилось моему грифону, птица, что съела раньше половину лошади, голодала. Он уже не летел, а брел за колонной, я опасался, что скоро мой желтоглазый друг останется лежать на этой земле и мне придется его добить.

Два последних дня мы пробирались по засушливой равнине, наконец, вдали показались горы, за которыми нас ожидал переход по еще более опасным владениям орков, и только потом нас встретит свободная земля – Чернолесье. Вдалеке зеленели деревья, значит, там была вода. Путь к долгожданным вершинам устилал лес, влажный и живой, мы тихо пробирались вперед, укрывшись в сени деревьев.

От размышлений оторвал возглас грифона: тихий рык вырывался из груди животного, гриф зарычал, всматриваясь в заросли, что расположились впереди. Обнажив меч, я подал знак Ивиру, мы двинулись вперёд. Но не успели проделать и пары шагов, как натолкнулись на гоблинов. Они сразу бросились на нас, завязался бой, к нам поспешила подмога. Мечи стучали недолго, короткое сражение завершилось горстью упавших сморщеннолицых, их был всего десяток. Па-

ра-тройка убежала, скрывшись вдали, я было решил нагнать беглецов, но Ивир остановил меня.

– Телль, не время, надо бежать отсюда и как можно скорее, гоблинов в тоннелях искать бесполезно, – и я согласился.

Скорее всего, сбежавшие уже достигли нор, Зарнатх был гораздо больше в глубину, чем могло показаться снаружи. Ходы целой сетью пересекали все горы и равнины их владений. Говорят, что у этих проныр есть лазейки не только под Зарнатхом, а в огромных тоннелях подчас терялись и сами гоблины. Так или иначе, но Ивир был прав – сбежавшие приведут подкрепление.

Мы вернулись на тропу и осмотрели пожитки сморщенных. Это был небольшой торговый караван: десяток медведей в упряжи с тюками, утыканными всяким барахлом для продажи, и горстка гоблинов, его сопровождавших. Но и эта мелочь была удачей: припасы, теплые шкуры, ткани, немного монет и прирученные медведи. Разгрузив тяжелогружёные повозки с медлительными медведями в упряжке, мы, распределив ношу на всех и быстро двинулись вперед, я приказал воинам замыкать колонну, пропуская вперед женщин.

Согласно карте, мы выбрали самый кратчайший путь в Чернолесье, но даже так нам придётся провести в чуждых землях еще одну ночь, а если учесть разграбленный караван, то становилось и вовсе беспокойно.

Мы шли до глубокой темноты, лишь когда олени и эльфы

стали спотыкаться в темноте, сделали остановку, достигнув Серых гор, что располагались в землях гоблинов и тянулись к троллям и Чернолесью. Мелкие горы с серыми камнями едва в два раза превышали деревья, но из-за ширины и постоянно осыпающихся вершин были весьма небезопасны. К тому же, какой-нибудь тролль мог запросто забрести в Зарнатх и устроить под горой жилище.

Но темнота надвигалась. Нас было всего чуть больше сотни, воинов набиралось меньше сорока. Рискаю попасть под обвал, я все же приказал двигаться к самой горе, чтобы укрыться у подножия, так, хотя бы с одной стороны, у нас будет стена.

К счастью, гора оказалась свободна, изможденные и уставшие мои подданные укладывались спать прямо на земле, даже не расставляя шатры и не разжигая костры. Разделив воинов на две половины, мы принялись дежурить. Грифон, бесшумно ступая на мягких лапах, шествовал рядом со мной, этому ночному хищнику нравилась компания, в ночной прохладе он чувствовал себя лучше и теперь то и дело норовил побаловаться. Оттолкнув голову с орлиным клювом, что заставляла себя гладить, преграждая путь, я пошел быстрее. Животное, недовольно фыркнув, осталось позади, как вдруг прямо в меня из зарослей полетела стрела:

– Подъем! – закричал я, гриф тут же бросился в чашу, обнажив клинок, я побежал за ним.

Новая стрела со звоном отскочила от кольчуги из эльфий-

ской стали, в тёмном лесу мелькали силуэты, ко мне уже спешила помощь, неожиданно на поляну выскочил громадный медведь, метра два в холке, в лунном свете блеснули три глаза осквернённой твари. Седок направил зверя на меня, я увернулся, чудом не попав в мощную челюсть, гриф бросился на чудище. Острый клюв впился в шкуру, но медвежьих зубы успели схватить ногу грифона. Когти орла вцепились в грудь медведя, тот лишь сильнее сжал зубы, намереваясь откусить ногу сопернику. Истощённый вопль грифа и хриплый рык смешались с гулом сражения. Я бросился на помощь грифу, пытаясь пронзить обидчика, но задел лишь наездника:

– Телль! – закричал за спиной Ивир, отбивая атаки гоблинов, что лезли из чащи, словно речные тугуны на запах крови.

Я бросился к другу, оставив сцепившихся в смертельной схватке животных, сморщенные всё прибывали, выскакивая из-за деревьев. Как вдруг совсем рядом со мной в дерево врезался глиняный кувшин, разлетевшись на осколки, он выплеснул содержимое на ствол, и в ту же секунду в небо взмыла огненная стрела:

– Ещё! Ещё огня! – кричала Даландин, десятки стрел посыпались на деревья, наши лучницы целились в сосны.

– Отступаем! – скомандовал я, поняв их план.

Выхватив горящую стрелу из дерева, я бросился к грифону. Ловкий прыжок и шкура медведя вспыхнула, словно со-

лома, зверь разжал зубы и, позабыв обо всём на свете, бросился в чащу, сбивая на пути бегущих гоблинов. В лесу начался пожар.

Раненый грифон хромал сзади, едва поспевая за мной, стволы смолянистых сосен разгорались сильнее, самые отчаянные ещё продолжали бой.

– На гору! – скомандовал я, отбивая выпады сморщенных.

Заложив пальцы в рот, свистнул, приказывая грифу взлететь. Жар опалял лицо, в жутком, первобытном реве полыхали сосны, огонь всё быстрее распространялся, бросив мечи, гоблины побежали прочь, но жёлтые языки пламени преграждали им дорогу, обваливая сгоревшие макушки. С другой стороны, отгоняя прочь от горы, засели мои воины.

Жар становился невыносимым, бросив сражение, мы устремились на спасительную каменную вершину, за нами бросились и гоблины. Пустив вперёд женщин и обоз, мы добивали выживших, едва справляясь с недостатком воздуха. Голова кружилась, но я не опускал остриё, угощая им сморщенных. Поднимаясь всё выше за своими воинами, я начал лучше дышать. Под нами разверзлась огненная бездна, лес полыхал с низким рёвом, будто сама земля кричала через погибающие в пламени деревья.

Лучники подбадривали нас стрелами, помогая справиться с гоблинами, ползущими вверх из дымовых клубов. Как вдруг Ивир упал, сорвавшись вниз, покатился с горы в удушливую серую пелену. Не раздумывая, я бросился за ним пря-

мо в густой дым, закрыв лицо, наощупь пробирался вниз, натываясь на спешащих к вершине гоблинов. Никто уже не сражался, важнее стало спастись от огня, охватившего лес.

– Ивир! – дым резанул горло, закашлявшись, вновь позвал друга, но он не откликнулся, щипало глаза, я пытался найти его, но в такой пелене это было бесполезно.

Сознание мое начало затуманиваться, пошатываясь, я повернул к вершине раздумывая возвращаться. Неожиданно кто-то тронул за плечо, дрогнув, развернулся, в пелене едкого дыма стоял сморщеннолицый и указывал вправо. Я бросился в указанном направлении, споткнувшись о тело. Гоблин помог поднять Ивира, вместе мы дотащили тело к вершине. Чистый воздух был таким резким, что я не мог надышаться, выкашливая остатки едкого дыма:

– Прекратить бой! – скомандовал я, – прекратить! – и мои воины опустили мечи, позволяя сморщенным взобраться на спасительную вершину.

Я опустил друга на землю, лицо его было бледным, склонившись, пытался прощупать сердцебиение, но ничего не находил:

– Даландин! – кричал я, дочь лекаря уже спешила на помощь.

Жена Ивира обвила мужа руками, причитая и плача. Даландин и ещё двое эльфиек склонились над моим другом, пытаясь что-то сделать.

– Что мне делать? Дали, что? – кричал я, не находя себе

место.

– Уведи её! – крикнула девушка, сверкнув синими глазами так решительно, словно была воином.

Я попятился в сторону, подняв на ноги жену Ивира, оттащил её прочь. Женщина рвалась к мужу, отчаянно пытаюсь освободиться, и вдруг он выгнулся, захрипел. Ивир закашлялся, вновь глотая воздух, я почувствовал такую слабость, что чуть не упал на колени.

Та ночь выдалась странной. Мы просидели на вершине горы, выжидая пока наш единственный маг призовет дождь, и пожар внизу уступит дорогу. Вокруг с таким же мрачным видом сидели гоблины, взирая то на свой горящий лес, то на нас. Я велел продолжать патруль на всякий случай, хотя боевого настроения у сморщеннолицых не было.

Ивир окончательно пришел в себя, его уложили на повозку к медведю, оставив в руках заботливой жены. Осмотрев грифона, я попросил лекарей заняться ранами крылатого, лапа его была изрядно разорвана медвежьей пастью.

Я сидел, оперевшись спиной о камни и смотрел на чернеющие дымные просторы, что проступали под редееющими клубами, пожар отдалялся, скоро можно будет идти. Даландин молча присела рядом, положив мою голову себе на плечо:

– Спи, Телль, тебе надо отдохнуть, – ласково попросила она, и я вряд ли мог противиться этому.

В коротком сне меня преследовала эльфийка с двухголо-

вым младенцем на руках, умолявшим больше не жечь леса.

ГЛАВА 9. ВАГАРДА, АЛАНДИС. ПУТЬ

Ночь выдалась темная, холодная, устроившись у раскидистой ели, мы развели костёр. За день прошли слишком мало, старик не мог передвигаться быстрее, к тому же тащил на себе обоз, напрочь отказавшись нагрузить молодого гаденыша, который, кстати, и ухом не вёл, чтобы помочь. Потому пришлось взвалить ношу и на себя, напади на нас в тот момент кто-нибудь и я бы час снимала с себя котелки, чтобы подраться. Такими темпами мы не доберемся в Серый город и за целый лунный ход, не то, что за две недели. Злая, я сидела на поваленном дереве подальше от ушастых и начищала оружие:

– Вагарда, раздели с нами трапезу, – окликнул старик.

– Ворованное есть не буду, сказала же, – напомнила я, хоть живот и урчал после единственной пригоршни ягод, что попались на пути в лесу.

– Не забывай, нам нужен защитник, а не обоз! – настаивал Сабат, все-таки пытаясь вручить кусок окорока.

– Я на охоту, – отмахнулась я и, не дожидаясь возражений, направилась в лес.

Отказалась от мяса вовсе не из-за того, что не хотела его, или из-за того, что никогда не брала краденое, нет. Воровством мелким, ради еды я промышляла с детства, не считая

краденый с прилавка толстого пекаря кусок хлеба чем-то зазорным. Но что-то во мне сопротивлялось есть у крестьян, я помнила свое нищее детство и девятую осень, и дом мадам Гризо, в котором еды тоже всегда не хватало. Я помнила, как девчонкой всегда хотела есть, как голодала, будучи у родителей, как жадными глазами смотрела на блюда, переполненные лакомствами для гостей борделя, как мечтала съесть недоеденную свиную ножку, что лежала на тарелке какого-нибудь более-менее состоятельного посетителя дома на перекрестке. И как меня били за украденную виноградину с гостевого блюда, палками, нещадно, это я тоже помнила. Есть мясо, на котором могли бы протянуть зиму целой семьей крестьяне, было противно почти так же, как умирать с голоду. А уж голодной смерти я вдоволь напробовалась ещё в Гурии.

Лес был пустым: ни птиц, ни живности, хотя бы мелкой, ни даже мышей. Холодная осень распугала зверьё по норам, оставив только крупных, с которыми мне одной не справиться. Словив векшу², скрутила тонкую шейку, зверёк дернулся и затих, оставив-таки мне напоследок пару глубоких укусов. С этим уловом и вернулась в лагерь, ошкурила и надела тощий трупик на палку. Принц поморщился так брезгливо, что я не выдержала, решив проучить ханжу:

– Однажды, лет шестнадцать назад, когда я только попала в гвардию зачистки, – начала тоном заправского балагу-

---

² Векша – она же белка обыкновенная.

ра, остроухий подсел поближе, желая развлечься байкой под копченый ужин, – отправили меня, неумелую девчонку, на задание. Дело было близко к самым северным землям. Там пара клыкастых орков, как выяснилось потом, наводило шорох на соседние деревеньки. Ну, у людей глаза от страху сразу видели неестественное, и в столицу поступил заказ на чудищ, что волокали людей без возврата, пропало семеро к тому дню. Как сейчас помню то задание, холод собачий, а мне выдали только плащ один, да, в общем-то, первокоонтрактникам в гвардии лучшего никогда и не давали. – Вещала я, ворочая шкворчащую тушку, – Привезли меня, значит, в маленькую деревню вечером, тихо, пусто, спят все уж, ну меня оставили. Попросилась я у местных на ночлег, нас пускают обычно, а в той деревеньке к кому не стучись – никто дверь не откроет. Обидно, да что ж делать, так и заночевала я под чьим-то сараем, а утром в лес двинулась. Орков-братьев я нашла быстро, меньше трех дней и управилась, воняют они, знаете ли, терпеть не могу, – вспомнила я, скривившись, их немытый дух, – сковала их, привела в деревню, чтобы столицу оповестить и за нами телегу послали. Свечерело, приморозило ещё хуже. Стучусь опять в дома, ночь морозная, аж кости стынут, решила все дома обойду на этот раз и стучать буду долго, настырно. Достучалась, открыл мне дед старый, вон, как ты Сабат, только у того зубов через одного не хватало, – кивнула я на присоединившегося к нам мага.

Остроухие целиком были в моей власти, сидели над та-

релками, лишь изредка покусывая ломти окорока.

– И дед такой добрый, говорит бедная девочка, молоденькая такая, а так не везет со службой. Принёс мне одеяло из шерсти и здоровенную миску похлебки, с мясом, прямо вот такими кусками, – показала я. – Кормят нас в гвардии впроголодь, мяса – порция с кулак на весь день, ни больше, ни меньше. А тут целая миска, ох и вкусно! Съела я два больших ломтя, думаю, надо бесов этих, орков пленных покормить, а то издохнут ведь на морозе голодные. Это вы, эльфы, гадами нас в песенках своих делаете, а мы, между прочим, пленных даже кормим, а не то, что мучаем, – к слову припомнила я, остроухие сделали вид, что не услышали. – Дала им миску, едят, уплетают и тут мне говорят, ты где это, змея, человечинку добыла? – Нарон тут жевать перестал и напрягся. – Я их по голове огрела, тварей этих немых, откуда говорю, знаете? Смеются, знаем точно, говорят, – принц брезгливо миску в сторону отставил. – Восемнадцать голов я отыскала у деда, обглоданных, искусанных, беззубым ртом своим он их жевал, обсасывал, а мне похлебку сварил, – Нарониэль вскочил и побежал в кусты, я от хохота скатилась с бревна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.